

АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ

МАЛАХОЛЬНЫЙ
ЭКСТРАСЕНС

Анатолий Федорович Дроздов Малахольный экстрасенс

Серия «Малахольный
экстрасенс», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66459630*

Аннотация

Роман о попаданце, который очутился в девяностых годах прошлого века и обрёл экстрасенсорные способности.

После смерти пенсионер оказывается в теле молодого человека, который обладает необычным даром. Как все помнят, в девяностые годы был расцвет моды на экстрасенсов и нетрадиционные методы лечения. Разница в том, что герой может исцелять реально и без шарлатанства, причём даже безнадёжно больных. Наличие таких способностей – золотая жила. Вот только герой не намерен монетизировать свой дар. Читайте начало истории.

Содержание

Пролог	4
1	12
2	29
3	54
4	75
5	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Анатолий Дроздов

Малахольный экстрасенс

Пролог

Вовка с хрустом всадил лопату в песок:

– Здесь!

Он присел на корточки, достал из кармана затертую пачку «Астры» и с нескрываемой насмешкой посмотрел на меня.

– Давай!

Я, не отвечая, воткнул в мягкую землю длинный металлический щуп и огляделся.

Местечко здесь, и вправду, невеселое: куцая поляна – даже, пожалуй, не поляна – пустырь, поросший редкой травой и какими-то деревцами-недомерками, среди чахлого кустарника за деревней. А там, где я сейчас стоял, у опушки чернолесья (ольха, осина и квелье березки), имелась проплешина почти правильной овальной формы метров восьми в самой широкой части. Даже сухого стебелька не выглядывало из серого песка – только Вовкина лопата.

Было еще совсем рано – слишком рано для активной деятельности после вчерашней содержательной беседы за полночь за бутылкой рафинадного самогона, и я мысленно по-

желал доброго здоровья деревенскому жителю Вовке с его идиотской привычкой вставать ни свет ни заря, а также самому себе, затеявшему вчера глупый спор. Мне, конечно, очень нужно было сражаться за научную точку зрения с колхозным трактористом, как и все в деревне, убежденному в том, что молнии постоянно бьют в это проклятое Богом место именно потому, что оно проклятое. А я, разгоряченный от рафинадного, доказывал, что никакого проклятия нет – тут либо руды железные близко к поверхности залегают, либо задний мост от МТЗ, с машинного двора упертый, кто-то закопал, да и забыл. Словом, вышли на научный эксперимент. Ищи теперь этот задний мост или «Курскую магнитную аномалию» у деревни Прилеповка...

Я сглотнул вязкую слюну, скопившуюся во рту, и, вздохнув, взялся за щуп. Длинная, острая спица, сделанная из толстой стальной проволоки, легко вошла в рыхлый серый песок по самую рукоятку в виде баранки, скрученной из той же проволоки. Я начал с краю и, методично всаживая сталь в землю через каждые полшага, прочесывал проплешины – черт бы ее подрал! А Вовка, попыхивая сигаретой, с интересом наблюдал за мной. Я понимал, чего тот ждет: городской приятель быстро выдохнется, сдастся, и тогда всей деревне можно будет рассказать, как «ученый» был поспрамен.

Мы выросли вместе: моя легкая характером и поведением мать каждый год отвозила сына на лето под присмотр

одиноким сестры. Мы с Вовкой днями шастали по окрестным лесам, пугая невинную живность выстрелами из самопалов или до посинения бултыхаясь в Переплюйке – крохотной речушке у деревни, полностью соответствовавшей своему названию. Потом наши пути разошлись: Вовка остался в деревне, а я отправился грызть гранит науки – способности вдруг открылись. «Во многой мудрости много печали, кто умножает познания, тот умножает скорбь...» С тех пор виделись редко – когда приезжал навестить тетку, давно заменившую мне сгинувшую на просторах великой страны мать. Во время этих задушевных встреч за традиционным стаканом рафинадного (из зерна по причине трудоемкой технологии в деревне самогон практически не гнали) друг детства – видно, испытывая какую-то обиду – все пытался меня хоть в чем-то переспорить, доказать, что он знает не меньше. В последние годы я в таких ситуациях обычно уступал – было б из-за чего портить отношения. Но вчера почему-то заупрямился...

Упрямство одолевало меня и сейчас: с первого взгляда было ясно, что ничего на этой земляной лысине не найти, но я все же тыкал и тыкал щупом в песок, время от времени смахивая пот со лба – между небом, затянутым тяжелыми черными облаками, и унылой землей становилось по-предгрозовому душно. Может быть, бросил бы, если бы приятель не улыбался так нахально.

Вовке надоело первому.

– Ладно, Мишка, брось! – он отшивырнул давно погасший окурок, встал и с наслаждением потянулся. – Сам видишь, ничего тут нет. Хрен с ней, бутылкой этой, – добавил он миролюбиво. – Пойдем, похмелимся, как люди, и... – он вздохнул. – Работы много.

Я с облегчением кивнул и... проснулся. Некоторое время лежал, ощущая, как лихорадочно трепыхается в груди сердце. Странный сон: живой, яркий, красочный – будто реально перенесся на тридцать лет назад. Я явственно ощущал духоту, которой был насыщен воздух, осязал потной ладонью нагретый металл щупа, вдыхал исходивший от земли легкий запах прели. Удивительно. Сны, которые приходили ко мне в последние годы, были тусклыми, серыми и забывались по пробуждении. Захочешь – не вспомнишь. И вот вдруг...

Разбередело, теперь не уснуть. Я нашарил на тумбочке смартфон и дважды тяпнул по экрану. Подсветка выхватила из темноты цифры – 5:32. Подумав, я ухватился за спинку кровати и, с натугой ворочая тяжелое тело, встал. С каждым годом подъем дается труднее – старость не радость. Остро кольнуло в спине, но я не обратил внимания – привычно. Шлепая по полу босыми ногами, прошел к кухне, щелкнул выключателем и открыл дверь.

Бутылка стояла на обычном месте в шкафчике, как и рюмка. Переместив их на стол, открутил жестяную пробку и плеснул в хрустальную емкость светло-желтой жидкости. Поднес рюмку ко рту. Ноздри уловили легкий аромат яб-

лок, перебивший запах сивухи. Самогонная настойка на сухофруктах собственной выделки. Водка мне не по карману – семь рублей за бутылку минимум¹. С моей пенсией особо не пошикуешь. Третью ее уходит на коммуналку и прочие платежи, на оставшиеся рубли нужно есть, пить и одеваться – не выходить же на улицу в рванье. Хотя выбираюсь я, главным образом, в магазин. Раньше заглядывал на почту – получить пенсию и заплатить коммуналку, но в последнее время стали болеть ноги. Перевел пенсию на банковскую карточку, а платить стал по интернету. Слава богу, старенький ноутбук, купленный с рук, еще живой. Интернет, конечно, не дешев, но без него загнешься с тоски...

Ароматная жидкость пробежала по пищеводу и согрела желудок приятным теплом. Я крикнул и поставил пустую рюмку на стол. Хорошо пошла! Напиток у меня из сахара – из килограмма выходит литр сорокоградусной. При этом не жадничаю: тщательно отбираю «головы» и «хвосты». Аппарат фабричный – купил дешево на Куфаре². Его прежний владелец наигрался и не стоял за ценой. Многие почему-то думают, что стоит купить самогонный аппарат, как тот начнет заливать тебя чудесным напитком. Винокурение – ремесло, и, как всякое другое, требует кропотливого труда и тщательного соблюдения технологии. Но нам же лень, вот и получаем на выходе вонючий шмурдяк. Покупка аппара-

---

¹ Цены даны в белорусских рублях. Примерно 200 российских.

² Куфар – популярная в Беларуси интернет-площадка бесплатных объявлений.

та у незадачливого самогонщика вместе с принадлежностями встала мне в 120 рублей – чувствительно для моей пенсии, но оно того стоило. Инвестиция окупилась за пару месяцев. Пол-литра самогона обходятся в полтора рубля – это считая расходы на газ для подогрева и воду для охлаждения. Пить можно сразу, но я делаю настойки. Сухофрукты у меня свои – яблони на дачном участке плодоносят регулярно. Есть вишни и сливы. Фрукты режу, из вишен и слив достаю косточки и сушу под навесом – за сезон набирается мешок. Две горсти в трехлитровую банку, залить самогоном – и через пару дней у тебя кальвадос, вишневка или сливовица. Не настоящие, конечно, но куда лучше водки. От нее у меня болит печень, от настоек – нет.

Я прошел к полке за сигаретами. По пути невольно глянул в висевшее на стене зеркало. Оно отразило рыхлого, лысого старика с расплывшимся лицом. Двойной подбородок, обвисшие брыли щек... На щеках и лбу – многочисленные пигментные пятна и родинки. Да уж, рожа... Хотя кому на нее смотреть? Жена умерла в прошлом году, детей мы не нажили, а соседям одинокий старик не интересен. Продавцы в магазине видят в тебе лишь покупателя. Меня они знают, здороваемся, но и только. Никому ты не нужен, Михаил Иванович – даже наследникам, поскольку их нет. Вот исполнится 70 лет, подпишу с государством договор и отправлюсь в дом престарелых. В обмен на квартиру получу отдельную комнату со всеми удобствами, сестринский уход и трехразо-

вое сбалансированное питание. Пенсия при этом частично сохраняется – узнавал. Буду жить среди таких же стариков и старушек. Не лучшая компания, но хоть поговорить будет с кем. Пить тоже можно – если аккуратно, конечно. То есть не буянить и безобразия не учинять. Но подобного за мной и в молодые годы не водилось. Пьяница я тихий...

Щелкнув зажигалкой, я закурил и присел к столу. Выдохнув дым к потолку, задумался: итак, сон... Почему именно этот незначительный эпизод из прошлого? В моей утекшей, словно вода между пальцами, жизни были моменты поинтереснее. В тот день на пустыре наш спор с приятелем так и кончился ничем. Я принял предложение Вовки, мы вернулись в деревню, где похмелились и разбежались каждый по своим делам.

...Вовка умрет от рака легких через двадцать лет. Дымил он безбожно, да еще предпочитал сигареты покрепче. Сгорел за полгода. Почувствовал боль в груди, табачный дым стал невкусным... Дети отвезли его в клинику, но поздно. Рак легких скоротечный, сволочь, лечится плохо, а тут еще Вовка заерепенился и не поддался на уговоры сразу. Упрямый был... Он стал первым из моих приятелей, ушедших за кромку. Год от года число их росло, пока не осталась пустыня, и я в ней – одинокий саксаул. Наполовину высохший, но еще пытающийся казаться живым. Как я к этому отношусь? Спокойно. Никого не минет чаша сия. Иногда, правда, становится тошно, и невольно думаешь: хватит коптить небо.

Но затем приходит страх, и ты гонишь от себя дурные мысли. Эх, знать бы точно: как там? Пускай ад, но какой он? На что можно рассчитывать такому, как я? Только кто ж скажет? Оттуда не возвращаются...

Я загасил окурок в пепельнице и встал. В груди кольнуло, затем тело затопила острая и невыносимая боль. Сердце будто кто-то сжал в кулаке и теперь давил изо всех сил. Пошатнувшись, я сделал шаг к двери – в спальне на тумбочке остался телефон. Набрать 103... Ноги подвели. Меня шатнуло, мир вокруг начал стремительно сжиматься, наступила темнота, и я только успел почувствовать, как куда-то лечу...

1

– Ну что, пошли? – спросил Вовка. Он стоял, вопросительно глядя на меня.

Опять этот сон... В следующий миг пришло осознание: никакой это, на хрен, не сон. Я только что умер у себя в квартире. Или же нет? Лежу сейчас без сознания на полу в кухне – до спальни так и не добрался. Но, если так, почему дышится легко, тело переполняет сила, а природа вокруг хоть и притихла в ожидании грозы, но выглядит живой и объемной?

– Нет, – ответил я и для убедительности покачал головой. Вовка пожал плечами:

– Смотри, гроза будет. Долбанет молнией – и будет тебе открытие! – он сложил руки на груди и закатил глаза, наглядно изображая мое ближайшее будущее.

Я вместо ответа ожесточенно воткнул щуп в землю. Уходи! Мне нужно понять, что вообще происходит.

Вовка еще раз пожал плечами, покосился на свою лопату (хорошую, с черенком, отполированным до блеска ладонями), вздохнул и поплелся к деревне. Я подождал, пока он скроется за кустами, и опустился на песок. Страху не было, как и паники. В стрессовых ситуациях я умею мыслить трезво – это не раз выручало меня в жизни. Итак, версий две. Первая: я сейчас лежу на полу, а все, что вижу – не более, чем

бред умирающего мозга. Проверим. Я зачерпнул горстью песок и поднес ладонь к глазам. Песчинки с чуть слышным шорохом стали вытекать между пальцами. Я отчетливо ощущал их движение, вес и объем. Страхнув остатки песка на землю, взял лопату. Тяжелая. У меня на даче лопата из титана – легкая и удобная, копать ею – одно удовольствие. Этой намашешься. Я попробовал пальцем край штыка – острый. Резать палец до крови не стал – глупо. И без того ясно, что мир вокруг реален – во снах и бреду подобного не бывает, там все странно и нелогично.

Тогда версия вторая: я умер, и мое сознание перенеслось в мое же тело, но на тридцать лет назад. Кто и зачем это сделал? Риторический вопрос. Случайность отвергаем – науке такие феномены не известны, хотя кое-кто с пеной у рта будет отстаивать обратное. Атеисты – они порою хуже либералов. И те, и другие на дух не переносят иную точку зрения, хотя на словах за свободу совести и мнений. «Кирпич ни с того, ни с сего никому и никогда на голову не свалится», – говорил Воланд в романе «Мастер и Маргарита». Хотя этот персонаж – Князь Тьмы, священники с ним полностью согласны – сам слышал. Остается понять, зачем Ему понадобилось переместить мое сознание в это время и место? Для чего?

С неба посыпались пока редкие капли, вот-вот ливень грянет, и я решил отложить эти размышления на потом. Встал, подобрал лопату. В этот миг будто кто-то разорвал небо на-

двое. Оглушительный треск ударил сверху, и ослепительно-белая, с синевой по краям (я успел это заметить) лента шваркнула под ноги. Меня словно подбросило, и все вокруг исчезло в черноте...

* * *

Очнулся от ощущения сырости на лице. Открыл глаза. Грязно-серые облака висели прямо надо мной, из них сеялся мелкий колющий дождик.

Я сел и огляделся. Лопата и щуп валялись рядом. Провел ладонью по груди. Рубаха была влажной, но не мокрой – значит, лежал без сознания недолго. «Молния, – вяло всплыла мысль, – все-таки они сюда точно бьют – Вовка не зря предупреждал. Хорошо еще, что не убило. Это было бы просто замечательно: переместиться в прошлое, чтобы от молнии погибнуть».

Я встал, подобрал лопату и щуп и побрел к деревне. Меня слегка мутило, ноги казались ватными, но по сравнению с тем, как я чувствовал себя на пенсии... Здоровье – такая вещь: понимаешь его ценность после утраты.

Вовки дома не оказалось – умчался на работу, о чем говорил висевший на дверях дома замок. Жена приятеля с детьми вчера уехала в гости к матери, что и дало нам возможность приятно посидеть за полночь – иначе разогнали бы раньше. Я прислонил к стене сарая лопату и щуп и отпра-

вился к тетке. В сенях зачерпнул кружкой из ведра и выпил холодной и невероятно вкусной колодезной воды, после чего открыл дверь в дом.

Тетя лежала на кровати поверх покрывала в одежде и слегка постанывала – похоже, снова давление прыгнуло. В прошлой жизни гипертония свела ее в могилу – инсульт. Я придвинул стул к кровати и присел. Тетя повернула ко мне перекосенное болью лицо.

– Ты где это ходил? – прошептала тихо.

– Да так, – ответил я неопределенно и спросил: – Голова болит?

Она прикрыла глаза, подтверждая – качать головой или говорить далее, видно, не позволяла боль.

Повинуясь какому-то безотчетному чувству, я положил левую ладонь ей на лоб. Тот был горячим – да настолько, что собственная рука показалась мне ледяной. И внезапно ощутил, как холод из ладони заструился туда, в жар. Я словно бы лил что-то из себя в этот пышущий огнем лоб; и жар вдруг стал сжиматься и отступать. Ощущение было странным и пугающим, я попытался убрать ладонь. Но тетка с неожиданным проворством упредила, крепко схватив меня за руку.

– Не надо, пусть будет, – попросила шепотом.

Через несколько минут я ощутил, что жар под ладонью съехал и исчез совсем. Руки тетки ослабли и тихонько скользнули на постель, она вздохнула и глянула на меня осмысленно.

– Прошло, – сказала удивленно. – Так быстро! – она обвела взглядом комнату и остановила его на часах. – Десять, – сказала, подхватываясь. – Что ты сидишь? Автобус через час, а тебе еще три километра топать. Давай живо! Сумку тебе я собрала.

Путь до соседней деревни я преодолел одним духом. Шел быстрым шагом, не забывая поглядывать по сторонам. Хотя посмотреть, по большому счету, не на что. По правую руку заболоченный луг и кусты, по левую – лес. Через месяц, а то и раньше в нем вырастут грибы. Грибов тут много. В детстве мы с теткой собирали их мешками, сушили и сдавали заготовителям. А еще ягоды – чернику, бруснику и клюкву. Тетя Оля хвалила меня за старание и наделяла монетами – серебряными гривенниками и двугривенными. По возвращении в город я покупал на них мороженое и конфеты...

Мной овладело странное чувство. С одной стороны, тело радовалось вернувшейся силе и здоровью, но с другой – мозг продолжал пребывать в смятении. Случившееся со мной – реальность или все же бред? Вдруг я там впал в кому, и это – видение? Знать бы, что видят люди, пребывающие в таком состоянии – никогда об этом не читал. О тех, кто пережил клиническую смерть и вернулся, информации море, да и сам слышал из первых уст. Был у меня друг, который побывал за кромкой, я как-то спросил его: видел ли он чего ТАМ? «Было радостно, – ответил друг смущенно. – Не хотелось возвращаться...» Толя, так его звали, остался сиротой в три месяца.

ца. Случилось это в 1942 году в оккупации. Немцы повесили его мать, отец сгинул на фронте, и младенца забрали чужие люди. После войны сдали в детдом. Жить тогда было голодно, а в детдоме кормили. Толя выжил, сумел получить образование, даже стал писателем – у меня в книжном шкафу стояли его книги с автографами. Голодное детство сказалось на здоровье друга: к сорока годам он перенес несколько инфарктов и стал инвалидом. Но друг не ожесточился. Писал сказки для детей – такие же добрые и светлые, как и он сам. В 2007 году его изношенное сердце не выдержало. В гробу Толя лежал с улыбкой на лице. Сделали ли это в морге, или же так получилось само – не знаю. В последние годы друг сильно болел, жизнь его не радовала, но почему-то верилось, что он встретил смерть с улыбкой. Можно сказать: отмучился...

Подумав, я решил не заморачиваться. Мне сейчас хорошо? Хорошо. Вот и славно. Будем посмотреть, что из этого выйдет.

К остановке в соседней деревне я успел с запасом времени. Пыльный «пазик» подкатил к ней со стороны райцентра. Лязгнув дверцами-гармошками, выпустил немногочисленных пассажиров, выплюнул сизый дым из выхлопной трубы и отправился дальше в Дулебы – там у него конечная остановка. Развернется, водитель перекурит и поедет обратно. Эта сцена окончательно убедила меня в реальности происходящего: клуб пыли, поднятый автобусом (дождь сюда не добрался), вонь сгоревшего бензина, лязг дверей... В виде-

ниях такого не бывает. Что ж, примем как данность.

Я отошел на пару десятков метров от дороги – рядом с ней трава покрыта густым слоем пыли, нашел местечко почище, поставил сумку и присел, вытянув натруженные ноги. Местность вокруг ровная, без деревьев – автобус не пропущу. Нашарил в кармане пачку «Родопи», достал сигарету и прикурил от спички – зажигалки, а тем более, одноразовые – пока редкость. Клуб дыма, выпущенного изо рта, оказался на удивление плотным и густым. Табак в этом времени очень дымный, зато дешев. «Родопи» стоят 35 копеек, а может, и 50. Цены уже начали скакать. Курю я мало, не более десяти сигарет в день. До армии и вовсе не смолил, но там научился.

Ладно, что мы имеем? 1990 год, июнь, точное число не помню. Не важно, скоро узнаю. СССР пока существует, но парад суверенитетов начался. О своем выходе из Советского Союза объявили Эстония, Литва и Латвия, остальные республики раздумывают. Особой тревоги в руководстве СССР декларации прибалтов не вызвали – там полагают, что это несерьезно. Побузят слегка горячие эстонские парни вместе с примкнувшими к ним литовцами и латышами, да и успокоятся. Многие так думают. Они не знают, вернее, забыли, на что способен возведенный в абсолют национализм, который при Сталине давили беспощадно. Ну, так Сталин – тиран, не нам его примеру следовать. В стране перестройка с, мать его, ускорением, а КПСС так долго и старательно заботилась о развитии национальных окраин, что выко-

пала себе могилу. В союзных республиках сформировалась элита, пропитанная ядом национализма. Меньше всего этот процесс затронул Белоруссию, но и здесь «свядомые» бузят. Созданный в Вильнюсе БНФ³ во главе со своим отмороженным лидером собирает многотысячные митинги, на которых горластые мѳлодцы клеймят коммунистов и их руководителей. Последние вяло отбрехиваются – говорить с народом нынешнее поколение руководителей КПБ⁴ не умеет. Не по этому признаку их отбирали и выдвигали на посты. БНФ уже удалось провести в Верховный Совет 27 своих орлов. Это меньше десяти процентов от общего числа депутатов, но националисты ведут себя в парламенте, как центровые. Им многое удастся. В частности, протащить в качестве государственного флага символ коллаборационистов, под которым те рука об руку с эсэсовцами сжигали белорусские деревни. И это в республике, где в Великую Отечественную войну погиб каждый третий! Как же нужно было промыть людям мозги!

Многие считают, что националистами движут благородные устремления. Не смешите мои джинсы. Верхушка нациков четко знает, для чего зелье варится. Вспомните, как поступили в Латвии с русскими, которые помогли националистам победить. Объявили людьми второго сорта, не имеющи-

---

³ Белорусский народный фронт – в то время общественная организация националистического толка.

⁴ КПБ – коммунистическая партия Белоруссии.

ми права избирать и быть избранными. А вы как думали? В высоких кабинетах должны сидеть представители коренной нации, а не какие-то там «оккупанты». Вы – мясо, которое поманили красивым лозунгом: «За вашу и нашу свободу!». А теперь пошли вон и скажите спасибо, что в концлагерь не загнали.

Национализм – болезнь заразная. Первым делом поражает так называемую интеллигенцию: писателей, художников, журналистов, музыкантов, ученых из числа тех, кто не добился великих успехов в творчестве. СССР – огромная страна, в ней пробиться на вершины сложно: нужен большой талант и тяжелый труд. А если Бог способностями обделил, а работать лень? Книжки и картины пишешь средненькие – это в лучшем случае, над твоей диссертацией в Москве ухаживают, а славы и денег хочется? А тут шанс. Надо всего лишь скovyрнуть коммунистов, отгородиться забором от России – и ты лучший. По крайней мере, так будут говорить друзья-националисты, и писать подконтрольная им пресса. Можно и в большие начальники выбиться. В той жизни у меня был знакомый журналист с весьма средними способностями. Большой карьеры в БССР не сделал – не хватило ума и таланта. В конце 80-х он примкнул к БНФ и с его помощью пробился в депутаты Верховного Совета. Ему пообещали, что с приходом националистов к власти получит пост министра. Знакомый рьяно отрабатывал аванс. Например, изучил личные дела тогдашних членов правительства и напи-

сал разгромную статью, обличая тех в некомпетентности. Дескать, по-английски читают и переводят со словарем. Самым любопытным было то, что у обличителя с иностранным языком было как бы не похуже. Но ведь это другое, не правда ли?..

М-да, нелегкий период мне выпал. 1990-й еще можно назвать мирным, хотя на окраинах СССР уже идет резня. Бурно закипит в следующем году. Неудачный штурм телецентра в Вильнюсе, расстрел таможенного поста в Мядининкае, ГКЧП в августе и Вискули в декабре. В 1991-м в существовании СССР поставят жирную точку. Тревожное и опасное время, но одновременно – период больших возможностей. И я, наверное, единственный человек, который четко знает, что произойдет в ближайшем будущем. Осталось понять, как этим распорядиться...

На дороге показался автобус. Я встал и пошел к остановке. «Пазик» подкатил, обдав ждавших его появления людей клубом пыли. Лязгнули, открываясь, двери-гармошка. Я поднялся по высоким ступеням, дал водителю 20 копеек и, получив взамен билетик, прошел в салон, где устроился на свободном месте. Благо, их хватало – день будний, большинство людей на работе. В выходные в автобус не вбиться: истосковавшиеся по малой родине горожане едут навестить родню, помочь ей посадить картошку и собрать урожай. Обрато везут «свинные плечи» и прочие домашние гостинцы. Тяжелые сумки плотно забивают пространство под сиденьями и про-

ход между ними. Впрочем, пока не сезон. Картошка посажена и даже проросла, а свиней начнут бить ближе к ноябрю. Время грибов и ягод не наступило, и в автобусах свободно. Дорогой я во все глаза смотрел на проплывавшие мимо пыльного окна пейзажи и деревья. Не был здесь давным-давно. Последний раз – в 50 лет. Тогда сделал себе подарок: сел в машину и проехал по близким сердцу местам. Побывал и в Прилеповке. Посетил кладбище, где лежат расстрелянный полицаями дед, пережившая его на сорок лет бабушка и тетя Оля. Постоял, помолился. В бывший дом тетки заходить не стал – там жили другие люди. Этот вояж оставил странное чувство: на душе было грустно, но светло.

«Пазик» привез меня к автовокзалу в райцентре. Я дождался проходящего на Минск автобуса, забрался в красный «Икарус» и отправился в столицу. Дорогой размышлял над будущим, мысленно перебирая варианты. Итак. В настоящее время я преподаватель факультета журналистики Белорусского государственного университета, учу студентов писать статьи по экономике. К слову, единственный на факультете. Остальные преподаватели учат чему угодно, только не ремеслу. Помню, как меня это поразило поначалу. Как же так? Кого мы готовим? Будущих репортеров и обозревателей или историков белорусской журналистики? Позже узнал подоплеку. Факультет в свое время создал человек, защитивший диссертацию по этой теме, сам же в редакциях не работавший. Учебный план и преподавательский коллектив

он сформировал по собственным представлениям. Белорусский журфак со временем стал вотчиной предприимчивого белоруса: его окончили дети декана, другие родственники, а также земляки. Тот факт, что факультет готовит недоучек, ни его, ни кого другого не смущал. Власть в такие тонкости не вдавалась, а выпускники искренне считали себя классными специалистами. Эта тенденция продолжится и в независимой Беларуси. Как-то второй канал национального телевидения объявит кастинг по набору журналистов на вакантные должности. Руководство канала просмотрит и прослушает свыше 300 обладателей дипломов. И отберет... одного.

Я окончил МВТУ имени Баумана в Москве. Преподаватели там в мое время были – о-го-го! Я увлекался вольной борьбой, даже стал мастером спорта, но не дай бог сказать профессору на экзамене, что выступаю за вуз. Выгнал бы! Приходилось скрывать, как самую страшную тайну. Не зная предмет среди студентов «бауманки» считалось позором, как и замыкаться в рамках будущей профессии. Мы не пропускали театральные премьеры, ходили на концерты классической музыки, хотя рок тоже любили. Деньги на билеты добывали, разгружая вагоны – обычное дело для студентов тех лет. Я, вдобавок, подрабатывал в Торгово-промышленной палате: переводил статьи из иностранных научных и технических журналов. Языки давались мне легко: начал с английского, затем освоил немецкий. Платили мало, но было интересно. Распределение получил на Минский трак-

торный завод в «секретный» 6-й мехкорпус. Там собирали знаменитые «Шилки». Мы ставили в готовые бронекорпуса начинку, а затем отправляли машины в Горький, где их окончательно вооружали.

Отработав на производстве положенный срок, я подался в журналисты. Начал с многотиражки Академии наук БССР с вдохновляющим названием «За передовую науку». Там меня знали – переводы иностранных статей аукнулись, и предложили должность корреспондента. Одновременно писал статьи в другие газеты – от «Вечернего Минска» до «Советской Белоруссии». Неплохо зарабатывал, между прочим – гонорары в СССР были весомыми. Хватало и на модную одежду, и на походы в рестораны. Мои статьи брали влет: специалистов по науке среди выпускников белорусского журфака не водилось. Пером я владел неплохо, в тенденциях науки разбирался и умел о них рассказать.

Через пару лет меня пригласили в «Советскую Белоруссию» – освещать научные темы. Пообещали квартиру и не обманули. Помогли вне очереди построить двушку в кооперативном доме. Брать ее меня, кстати, отговаривали: дескать, подожди чуток и получишь бесплатное жилье от государства. Для начала однушку, а там – и нормальную. Я не захотел ждать, да и деньги были – накопил. Да и тетя Оля помогла. Меня задрало скитаться по съемным квартирам. Одинокому еще ничего, но к тому времени я был женат. В Минске предлагали арендовать комнаты в квартире с хозяевами,

снять отдельную удавалось редко – это вам не Москва с ее огромным жилым фондом. Хозяин моей последней квартиры состоял на учете в психиатрическом диспансере, жилье сдавали его родственники. Время от времени псих вырывался из-под опеки, приезжал к нам и ломился в дверь, пугая жену. Я-то быстро разбирался с болезным, но в мое отсутствие она терялась. Телефона нет, позвонить родственникам, чтоб забрали психа, можно только от соседей. Но для этого нужно выйти на площадку, а там сумасшедший. Изнасилует, а то и задушит – что с него возьмешь? Он же на учете...

Жена... Еще одна проблема. С Галей я познакомился самым глупым образом: зашел в гастроном за продуктами и увидел симпатичную девочку за кассой. Остановился поболтать, благо других покупателей в магазине не наблюдалось. Слово за слово... Лицом Галя походила на Мирей Матье: большой рот, аккуратный носик, высокие скулы и выразительные карие глаза. Не красавица, но с изюминкой. О своем сходстве с популярной певицей она знала, потому прическу носила, как у Матье – модное в то время «каре». Меня это зацепило. Познакомились, пригласил в ресторан, получил согласие. Ничего удивительного: с женщинами я сходилась легко. Рост 182 сантиметра, широкие плечи борца, симпатичная мордашка. В общепитии меня считали сердцеедом и ходяком – совершенно зря, к слову. Никого я не ел и никуда не ходил – сами вешались. Галя не походила на моих прежних подруг: стеснительная, хрупкая, с худенькими ногами, как у

подростка. У меня это пробуждало умиление. Рядом с ней я чувствовал себя медведем и невольно опасался причинить боль. Еще Галя оказалась девушкой строгих принципов: никакого секса до свадьбы. Любишь – так женись, вот и убедила...

Можно не верить в приметы и судьбу, но иногда они упреждают нас от необдуманных поступков. Расписаться мы решили в сельсовете: в Минске регистрации ждать долго. Сели в автобус и отправились на малую родину супруги. По пути выяснилось, что Галя забыла в общежитии паспорт. Вернулись, забрали, сели на другой рейс, приехали. И что же? В сельсовете не оказалось тетки, ответственной за регистрацию – заболела. Другой бы задумался, но у меня подгорало. После месяца хлопот как-то расписались и... разъехались по общежитиям – у Гали начались критические дни. Потом я искал квартиру, покупал мебель – жилье сдавали без нее... Семейная жизнь началась со скандала: Гале не понравилось отсутствие в квартире телевизора – на него у меня не хватило денег. Что делать вечерами после работы? Ты меня не любишь!..

Став женой, Галя изменилась радикально. Куда девалась робкая, скромная девочка, умилявшая своей стеснительностью? Появилась властная женщина, твердо знавшая, что нужно ей и мужу – по ее торговым представлениям, конечно. Главным в них были деньги. Я неплохо зарабатывал – много больше других, но имелись те, кто жил лучше. Мне ставили

в пример грузчиков мебельного магазина, которые с проданного мимо очереди гарнитура имели больше, чем журналист в месяц. В крохотной головке жены не умещалась мысль: выпускнику МВТУ работать грузчиком все равно, что пианисту – молотобойцем. Для чего тогда учился? Вдобавок она не хотела детей, говоря: «Вот выбьемся из нищеты...» Изменилась и внешность супруги. Выйдя замуж, она стала стремительно полнеть, при этом руки и ноги оставались тонкими. Фигурой напоминала рисунки детей – ну, эти: «Руки, ноги, огуречик – вот и вышел человечек...» Мой переход на работу в университет Галю взбесил: я терял в зарплате. Понять, что мужу надоела репортерская жизнь, и захотелось отдохнуть от суеты, оказалось выше ее сил.

Вскоре мы разбежимся. Я оставлю ей квартиру, сам переберусь на съемную, да так и буду скитаться, пока не встречу Инну. Наш научный журнал пробавлялся халтурами: подряжался выпускать заказные книги к юбилеям предприятий. Обычная, никому, кроме заказчика, не нужная макулатура. Я как раз сваял очередной образец. Мне позвонила редактор издательства и попросила зайти – уточнить пару моментов. Разговор мне понравился, как и редактор. Возникла обоюдная симпатия, очень скоро перешедшая в близкие отношения. Я собрал вещи и переехал к Инне. Очень скоро понял, что нашел свою пристань. Мы оформили брак, хотя Инна не настаивала – говорила, что ей и так хорошо. Мне – тоже, но все же настоял: не хотелось жить на птичьих правах. Жаль,

что с детьми не получилось – обоим к моменту знакомства перевалило за сорок...

Я посмотрел в окно – автобус въезжал в Минск. Город выглядел незнакомым и чужим: серые бетонные многоэтажки типовых проектов, пустые дворы, редкие машины на улицах. Никого сравнения с Минском 2021 года. Да, попал...

Автобус привез меня на Восточный вокзал. В новом веке его закроют, а потом одумаются и откроют вновь. В Минске живет каждый пятый житель Беларуси, многие из них – выходцы из провинции. По большим праздникам и в выходные свежеиспеченные горожане отправляются на малую родину, а личное авто есть не у всех. Я не был на Восточном давно – с тех пор, как пересел за руль, а потом не к кому стало ездить. В свое время вокзал считался красивым: нетиповая архитектура, здание из бетона и стекла. В моих теперешних представлениях – жалкое зрелище. В новом веке Минск обратит красивыми зданиями, город словно помолодеет и приобретет щегольский вид. Изменится даже центр с его имперской величавостью, которая только добавит изюминку столице. Сейчас город выглядел хмурым и неопрятным. По асфальту ветром несет пыль, обрывки газет, окурки. Бр-р-р! Батки на вас нет.

Я прошел к Партизанскому проспекту, пересек его и дождался троллейбуса. В салоне прокомпостировал обнаруженный в кошельке талончик и сел к окну, благо мест хватало: народ еще не закончил смену на заводах. По пути разглядывал забытые места. М-да, мрачновато. Люди одеты, несмотря на лето, большей частью в темное, лица озабоченные. У гастрономов стоят очереди за водкой и вином – ан-

тиалкогольная кампания в разгаре. Спиртное продается по талонам – две бутылки на человека в месяц. Такую норму определила КПСС во главе с ее меченым вождем. Если б он слышал, как костерят его в этих очередях, заодно с партией и советской властью! Недоумок...

В будущем веке спортсмен и трезвенник Лукашенко забьет спиртным продовольственные магазины. Стеллажи с ним протянутся на многие метры, ассортимент и количество выпивки будут поражать иностранцев. Батка похерит любые попытки ограничить продажу алкоголя. Ну, так помнит, чем это кончилось для СССР. Алкоголь – зло, конечно, но зачем пробуждать у людей недовольство? М-да... Сейчас где-то в Верховном Совете заседает не известный широким массам директор совхоза «Городец». Никто не принимает его всерьез – обычный представитель партийно-хозяйственной номенклатуры, да еще из села. Пешка. Куда ему до трибунов БНФ, записных ораторов и пламенных революционеров! Что ж, веселитесь... Через несколько лет в Белоруссии повторится ситуация 20-х годов прошлого века. Тогда в руководстве СССР тоже не брали в расчет скромного секретаря ЦК ВКП (б), грузина Иосифа Джугашвили...

На конечной остановке я вышел и побрел к нынешнему месту обитания. Справа многоэтажные дома в форме буквы «Z» – прихоть архитектора, пытавшегося сотворить из стандартных блоков нечто оригинальное, слева – пустырь с высоковольтными линиями передач. Впечатление чуждости не

проходило. Я не бывал здесь после расставания с женой. Галю в последний раз видел в суде, где рассматривалось дело о разводе. Ее дальнейшей судьбой не интересовался, как и она мной. Минск – город небольшой, но за 30 лет так и не пересеклись. Даже не знаю, пережила ли она меня там, откуда я вернулся? Скорее всего, да – у женщин век более длинный.

Подъезд встретил меня деревянными дверями. Время стальных с домофонами пока не пришло. Демократия первым делом заставит людей прятаться за броней. Вечерние улицы опустеют – гулять в это время станет себе дороже. Только при «диктатуре» вздохнем свободнее. И в любое время в парках и скверах можно будет встретить мамочек с колясками, пенсионеров и молодежь. Интересный феномен. В оплоте демократии – США во многих городах есть районы, где постороннему опасно появляться даже днем. Несмотря на усилия властей, это длится десятилетиями. В «диктаторской» Беларуси о подобном не знают. Может, этот опыт предлагают нам заимствовать заокеанские «друзья»?

Я поднялся на третий этаж, вытащил из кармана ключи, собрался с духом и отпер дверь. За порогом бросил на пол сумку и стащил ботинки. Никто не вышел меня встречать. Странно. У Гали, вроде, выходной – она работает через день по 12 часов. Будь иначе, дверь бы заперли на два замка, а не на один верхний. Я заглянул на кухню – никого, затем прошел в зал. Жена обнаружилась на диване – лежала на животе, прикрыв ноги пледом. Из одежды – только ночнушка. Это

что у нас?

– Привет, дорогая! – преувеличенно жизнерадостно сообщил я. – Воротился.

– Слышала, – недовольно буркнула она в ответ.

– Спину прихватило? – догадался я.

– Утром, – подтвердила она. – Повернуться больно. У нас где-то мазь была. Натрешь? У самой не получится.

– Сейчас, – пообещал я и прошел в ванную. Там помыл руки и вернулся в зал. Покопавшись в ящиках серванта, нашел крохотную баночку с бальзамом «Звездочка». Повертел в пальцах и положил обратно – не для этого случая. Скипидарная мазь? Теплее, хотя вряд ли поможет. У Гали приступ люмбагии – помню их по прошлой жизни. Болезнь ее здорово доставала – расплата за сидячую работу, хрупкое сложение и лишний вес. Дня три промучится, если не дольше. Сходить в поликлинику, вызвать врача? Придет только завтра, а спина болит сейчас. Ладно, попробуем.

Я прошел к дивану, задрал Гале ночнушку и выдавил на ладонь из тюбика чуток мази. Запахло хвоей. Я присел рядом с женой и стал растирать мазью ее крестец. Внезапно в пальцы толкнулся жар – он исходил откуда-то изнутри. Я перестал тереть, накрыл горячее место ладонью и внезапно УВИДЕЛ. Картинка была полупрозрачной, но вполне различимой. Она словно висела в воздухе над спиной жены. Я отчетливо различал позвонки и зажатый между ними нервный корешок. Именно он и давал жар, светясь красным.

– Что остановился? – невольно спросила супруга. – Натирай.

– Ага, – ответил я и провел ладонью вдоль хребта. Картинка исчезла, но, когда воротил руку на прежнее место, появилась вновь. Где-то с минуту я размышлял, продолжая двигать ладонью (картинка появлялась и исчезала), затем решительно вернул ладонь к больному месту, сжал, а затем раздвинул пальцы, будто увеличивая изображение на экране смартфона. Позвонки, к моему удивлению, чуток разошлись, высвобождая корешок. Прикоснувшись к коже над ним, я стал лить заструившийся из пальцев лед.

– Холодно, – внезапно сказала Галя. – Странно, мазь должна согревать.

– Согреет, – пообещал я, возвращая ночнушку обратно. – Полежи, а я – на кухню. Есть хочется.

– Извини, ничего не приготовила, – виноватым голосом сказала жена. – Спина не позволила. Сам что-нибудь сообрази.

Ну, не в первый раз, мы это и раньше слышали... Я вновь помыл руки и прошел на кухню. Открыл холодильник – «Минск», естественно. Никаких «самсунгов» и «элджи» в магазинах пока нет. Что у нас? Небогато. Недоеденная вермишель в алюминиевой кастрюльке, куриные яйца в полиэтиленовом пакете, кусочек вареной колбасы. Слишком маленький, чтоб сделать полноценный бутерброд для голодного мужика. Есть банка кильки в томате, но у меня от нее

изжога. Кочан прошлогодней капусты... В морозилке обнаружили кусок говядины на косточке и свиные ножки. Точно Галя принесла – видимо, собиралась сварить щи и сделать холодец, но спина не позволила. Приготовить самому? Пока сделаю, желудок расплавится от кислоты.

Подумав, я выложил на стол вермишель, колбасу и яйца. Достал из шкафчика и поставил на блин электрической плиты чугунную сковородку. Плеснул в нее растительного масла из бутылки. Масло оказалось темным, нерафинированным, но зато вкусно пахло. Пока разогревалось, мелко нарезал колбасу и высыпал в сковородку. Заскворчало. Я добавил вермишель и слегка уменьшил нагрев. Разбил и размешал вилкой в миске три яйца. Повернул лопаточкой зарумянившуюся колбасу и вермишель, после чего залил яйцами. Все, теперь чуток подождать...

– Чем так вкусно пахнет?

Я повернул голову – Галя. Стоит на пороге в наброшенном поверх ночнушки халате.

– Зачем встала?

– Так не болит, – она прошла к столу и села на свободный табурет. – Даже странно. Чем ты меня растирал?

– Скипидарной мазью.

– Раньше не помогала, – Галя с подозрением посмотрела на меня. Я стойчески выдержал ее взгляд – рассказывать желания не было. Еще примет за психа. – Ладно, – тряхнула она «каре». – Что готовишь?

– Лазанью.

– Это что? – удивилась она.

– Итальянское блюдо. В классическом виде – тонкие блины с прослойкой из мясного фарша. Здесь тесто заменяет вермишель, вместо мяса – колбаса, поверх – яйца.

– Дашь попробовать? – загорелась жена.

Я только плечами пожал – риторический вопрос. Откажу – сковороду на голову наденут. «Лазанья» как раз поспела. Я примостил сковородку на подставку и водрузил на горячую конфорку чайник. Разложил «лазанью» по тарелкам, одну поставил перед Галей, другую – перед собой, положил рядом вилки и нарезанный черный хлеб. С ним сытнее. Несколько минут мы сосредоточенно ели.

– Вкусно! – сказала жена, покончив со своей порцией. – И ведь как просто. Вермишель, колбаса и яйца.

– Можно и без колбасы, – сказал я. – Холостяцкое блюдо. Быстро и сытно.

Овдовев, я часто его готовил – что-то посложнее было лень. Под настойку и так заходило на ура.

– Ты не рассказывал! – Галя обличительно ткнула в меня пальцем. – Мог бы раньше приготовить.

– Так я не холостяк.

– А сегодня?

– У меня заболела жена.

– Ладно, – тряхнула головой Галя. – Как там тетя Оля? Что привез?

Первый вопрос – риторический, ответ на него Галю не интересует. Второе – очень даже. Я сходил в прихожую и принес сумку. Поставив ее на табурет, расстегнул молнию и стал выкладывать на стол деревенские гостинцы. Шмат завернутого в тряпицу из домотканого полотна сала. Клиновидный брусок творожного сыра в такой же тряпице. Топленое масло в поллитровой банке. Еще одна...

– Тушенка! Гусиная! – радостно взвизгнула жена, хватая банку.

Тушенку тети Оли она обожает. Есть за что. Тетка делает ее замечательно – с чесночком, перчиком и лавровым листом. Сыр, масло и сало тоже хороши. Последнее просто тает во рту. Хозяйство у тетки большое: корова с телком, два кабанчика, куры и гуси. Зачем так много? Излишки молока и одного кабана тетя сдает колхозу. Подросший бычок отправится туда же. Взамен колхоз, кроме денег, поставляет дефицитный комбикорм, без которого живность не вырастишь, исключая гусей. Им в летний сезон и травки достаточно. Пощипали, в речке поплавали и к ночи вернулись сытые в сарай.

Последней я достал из сумки бутылку самогонки с неприятательной пробкой из туго свернутого обрывка газеты. Поставил ее в шкафчик. В этом возрасте я еще не пристрастился к спиртному, но лишней не будет. В 1990 году выпивка – валюта, за нее можно получить то, что не удастся за деньги. Самогонка, кстати, хорошая. Тетя Оля единственная в де-

ревне делает ее из зерна. Расстиляет на полу в доме влажное полотно и высыпает на него рожь. Когда зерно прорастет, собирает, сушит в печи, затем мелет в жерновах. Из получившей муки учиняет брагу. Аппарат у нее примитивный, «головы» и «хвосты» не отбирает, но самогонка получается ароматной и беспохмельной – если не пить литрами, конечно.

Чайник вскипел. Я отключил плиту и достал из шкафчика початую пачку грузинского. Глянул внутрь. М-да... Мелко порубленная черная пыль. А еще высший сорт! В интернете в двадцать первом веке было много статей о замечательных советских продуктах. Дескать, натуральные и без ГМО. Вы советский чай из Грузии пили? Нет? Жаль... Руки к клавише не потянулись бы. Ответственно заявляю: продукты в двадцать первом веке лучше советских – в Минске, по крайней мере. Про ассортимент и вовсе молчу. Заветная мечта советского человека о двухстах сортах колбасы воплотилась в жизнь.

С отвращением отхлебнув отвар, вкусом напоминавший запаренный веник, я поставил кружку на стол и отправился в зал. Порывшись в книжном шкафу, достал толстый справочник практикующего врача. Интернета здесь нет – будем просвещаться по старинке. Насчет справочников у меня бзик – покупаю все, что увижу, благо в годы перестройки с этим легче. Появились издательства, выпускающие все подряд: от Чейза⁵ и «Коррекции кармы» до вполне серьезных изданий.

---

⁵ Джеймс Хедли Чейз, автор криминальных романов. В начале 90-х издавался в СССР и на постсоветском пространстве миллионными тиражами.

Этот справочник из таких. Присев на диван, я завис, продираясь сквозь медицинские термины. Галя, заглянув в зал, пожалала плечами и пошла в спальню. Скоро я услышал, как хлопнула входная дверь – видимо, отправилась по магазинам. Это надолго. Наверное, следовало поговорить, только о чем? Чужая женщина в чужой квартире – память о прошлом не позволяла мне воспринимать ситуацию иначе. Да и что сказать? «Здравствуй, милая, я вернулся из прошлого. Давай начнем все сначала?» Она покивает головой и вызовет спецбригаду из Новинок⁶. Наденут на меня смирительную рубашку и отвезут в уютную палату, где будут лечить трудотерапией и уколами галоперидола.

Спустя пару часов я отложил справочник и почесал в затылке. Ничего об открывшихся у меня способностях не нашел, да и не собирался. Меня интересовало происхождение болезней – ведь, если знаешь причину, понимаешь, как лечить. Особенно, то, с чем традиционная медицина не справляется. Это же золотое дно! На телевидении уже режутся Кашпировский с Чумаком, собирая у экранов многомиллионные аудитории. Передачи с их участием парализуют нормальный ход жизни. Помню, как-то вечером зашел в стоматологическую поликлинику полечить зуб. Обломался. В холле поликлиники возле телевизора собралась толпа. Врачи и

---

⁶ Психиатрическая клиника в Минске, ныне Республиканский научно-практический центр. Прежде располагалась в деревне Новинки под Минском, откуда и пошло название. Сейчас в черте города.

пациенты – все уставились на экран, где Чумак совершал пассы руками и шевелил губами. Какое тут лечение? Тут надо банок с водой побольше перед телевизором поставить, чтобы «зарядить» ее на халяву. Если на экране Кашпировский, люди, сидя в креслах, крутят головами. Балдеют и исцеляются. Именно тогда появился анекдот. Письмо Кашпировскому от благодарного пациента: «Уважаемый Анатолий Михайлович! Благодарю за ваши сеансы по телевизору. После первого у меня сошли с тела трупные пятна, после второго – исчез шов после вскрытия...»

Появилась в Белоруссии и своя целительница – бабка Федора. Руками, типа, лечит. Шуму много, результаты грустные. У меня пока получается: тетя Оля, Галя... Два случая подряд, да еще появившаяся способность видеть больное место – никогда о подобном не слыхал. Подытожим: дополнительная проверка практикой и выход на орбиту. Возвращаться в университет не хочу, в журналистику – тем более. Работать за гроши, да еще в таком качестве... Тридцать лет назад я считал, что журналист – лучшая в мире профессия, почетная и влиятельная. На утрату иллюзий ушли годы. В двадцать первом веке появится термин «журналюги», весьма точно характеризующий бывших коллег. Вернуться в инженеры? Скоро предприятия встанут, рабочие выйдут на улицы и площади, требуя дать им возможность кормить детей. Ну, нах!

Хлопнула дверь, в зал заглянула довольная Галя.

– Смотри, что купила! – она продемонстрировала мне нечто цветастое с кружевами. – Комбинация, импортная, час в очереди стояла. Чуть ли не последнюю взяла. Дорогая, правда, – она вздохнула. – Денег почти не осталось. У тебя когда зарплата?

– Скоро, – кивнул я. – Вот что, дорогая, давай сходим в гости к Томе. Давно не виделись.

– Разве? – задумалась Галя. – На прошлой неделе были.

– Покажешь ей комбинашку. Я, как понимаешь, не оценю.

– Это точно, – улыбнулась жена. – Мужики в этом не разбираются. Когда пойдем?

– Прямо сейчас, – сказал я, вставая. – Тома наверняка дома. Возьмем теткиных гостинцев: сала, сыра, самогонки, посидим душевно.

– Тушенку не отдам! – насупилась жена.

– Не нужно, – согласился я. – Заодно покажешь Томе, как готовить лазанью. Вермишель и яйца у нее, думаю, найдутся.

– Конечно! – согласилась Галя. – Если нет – своих принесем.

– Собираемся, – заключил я.

Чем хороши отношения в СССР? Тем, что можно вот так запросто завалиться в гости к знакомым, и это не вызовет удивления. Одно из любимых занятий советских людей. Интернета нет, смартфоны не придумали – в чем зависать? А так посидели, поговорили... Галя побежала на кухню, я устремился следом. К собранной ею снеди добавил бутылку

самогона – жена почему-то о ней забыла. Галя покосилась, но промолчала. Вот и правильно: мне виднее.

Закрыв дверь, мы спустились на первый этаж. Когда сдали наш дом, члены кооператива собрались, чтобы распределить квартиры. Тянули жребий. Тома попросила первый этаж. Никто не возразил – все хотели выше. Ну, а Томе нужно...

– Ой, ребята! – удивилась она, открыв дверь. – Не ждала. У меня не прибрано.

– Ерунда! – хмыкнула Галя, заходя в прихожую. – Мы же не санэпидстанция. Миша из деревни вернулся, гостинцев привез. Вот! – она потрясла пластиковым пакетом.

– Какие вы хорошие! – умилилась Тома.

– А то! – улыбнулась жена. – Ну, что стоим?

Женщины устремились на кухню. Я же, сбросив ботинки, направился в зал. Маша была там: лежала на диване, прикрыв ноги пледом, и читала книгу. Увидав меня, положила ее на журнальный столик.

– Дядя Миша? Слышала, что кто-то пришел, но не думала...

– Что это мы, – закончил я фразу. – Привет, подруга! Еще не надумала выходить за меня замуж?

– У тебя есть жена! – она обличительно ткнула в меня пальчиком.

– Подумаешь? – пожал я плечами. – Будешь второй.

– Опять ты про свой гарем! – деланно рассердилась она.

– Само собой, – подтвердил я, проходя к дивану и усаживаясь на краешек.

Это у нас такая игра, если кто не понял. Каждый раз, бывая у соседки, я зову Машу замуж, а она делает вид, что возмущается. На самом деле ей это приятно. Замуж ей, конечно, рано – 16 лет, но дело не в возрасте. Маша – удивительно красивая девушка: высокий лоб, атласные брови, словно вырезанные скульптором из мрамора черты лица. Уже сформировавшаяся высокая грудь размера эдак второго. А вот ниже... У Маши – ДЦП⁷, но в достаточно легкой форме, если так можно сказать. Интеллект не пострадал, на лице проявлений болезни не заметно. А вот ноги поражены – Маша практически не ходит. С наступлением темноты Тома вытаскивает ее на улицу, и там мать дочь, обнявшись, мучительно и тяжело передвигаются. Маша волочит повернутые внутрь стопы, больше цепляясь ими за асфальт, чем ступая. Ноги у нее тонкие, почти без мышц. Почему гуляют ночью, спросите вы? Характер! Ни Тома, ни дочь не хотят видеть жалостливых взглядов. В школе Маша учится заочно, учителя приходят к ней домой. Хоть какое-то развлечение. Мальчика, естественно, нет, а она, как любая девочка, мечтает о любви.

– Что читаешь? – спросил я, кивнув на книгу.

– «Два капитана».

– Знаю, – кивнул я. – Замечательная книга.

– Повезло этому Сане, – вздохнула Маша. – Нашелся док-

---

⁷ Детский церебральный паралич.

тор, который излечил его от немоты.

Понятно. По телевизору и в газетах постоянно талдычат о самой передовой в мире советской науке. Дескать, вот-вот она победит считавшиеся ранее неизлечимыми болезни. Медики СССР справились с эпидемиями тифа, холеры, дизентерии, отступили коклюш, менингит и полиомиелит. Это так, только с ДЦП не выйдет – ни сейчас, ни тридцать лет спустя. Какие-то методики появятся, но радикально победить болезнь не удастся.

– Не грусти, подруга! – подмигнул я. – Поможем.

– Ты что-то узнал? – встрепенулась Маша. – Есть такой врач? Где?

– Он перед тобой.

– Нехорошо так шутить! – насупилась она.

– Я и не шучу. Вернемся к этому разговору позже. Меня, слышишь, зовут. Посижу немного с дамами и приду.

– Буду ждать! – с загоревшейся в глазах надеждой сказала Маша.

За столом я сидел, как в тумане. Правильно ли поступил, обнадежив девушку? ДЦП – это вам не люмбалгия и не гипертонический криз. Поражены кора или ствол головного мозга – в справочнике вычитал. Удастся устранить патологию с помощью прорезавшегося у меня дара? ХЗ⁸, как говорят в моем мире. Но попытаться стоит – великолепная возможность проверить способности. Если выгорит, я в шоко-

---

⁸ ХЗ – хрен знает. Первое слово – синоним матерного.

ладе. Если нет... будем лечить люмбагии и кризы – тоже не пропадем.

Есть не хотелось. Я выпил рюмку самогона, закусил ломтиком сала, зажевав хлебом и не почувствовав их вкуса. На мою удачу, женщины вскоре увлеклись беседой, я воспользовался ситуацией, встал и тихонько удалился. Ну, в туалет человек захотел. Туда, кстати, я заглянул, после чего помыл руки и отправился к Маше. Она встретила меня полным надежды взглядом. М-да... Опозорюсь – сгорю от стыда.

– Так, – сказал я. – Сядь и повернись ко мне спиной. Помочь?

– Сама! – возразила она и завозилась. Села. Я примостился позади.

– Ты вправду умеешь? – спросила Маша.

– Конечно! Я великий маг и волшебник. А сейчас помолчи.

Я положил ей руку на темя – никакого жара. Значит, не кора. Опустил руку на затылок, затем ниже – есть! Отчетливо видны красные переплетенные нити, уходящие в позвоночный столб. Жар от них так пахнул в ладонь, что я едва не отдернул руку. Нет уж, отступать не будем. Я собрался с силой и стал лить на нити холод. В какой-то миг показалось, что они зашипели, как угли, на которые плеснули водой. Иллюзия, конечно, но жар не поддался, продолжая полыхать. Ах ты, сука! Угнезвился, сволочь! Тебе плевать, что из-за этого сломано две судьбы: Тома и ее дочери. Обе мучатся

16 лет и продолжают до конца своих дней. Маше не удастся поступить в вуз – у инвалидов в СССР с этим сложно – требуется специальное разрешение, она не получит профессию и не создаст семью. Томе никогда не нянчить внуков, а она об этом так мечтает. Сдохни, гад!

То ли этот порыв ярости помог, то ли количество перешло в качество, но жар стал отступать, при этом недовольно заворчав – так мне показалось. Красный цвет нитей сменился на розовый и продолжил бледнеть.

– Холодно! – внезапно пожаловалась Маша.

– Потерпи, милая! – поспешил я. – Недолго осталось.

Время я не засекал, но примерно через пару минут нити в позвоночном столбе приобрели стойкий синий цвет. Я с облегчением вздохнул и встал. Шатнуло. Блин! Будто вагон на станции разгрузил.

– Дядя Миша?..

Маша с тревогой смотрела меня.

– Все хорошо, подруга, – успокоил я. – Кажется, получилось. А сейчас дай мне руки, попробуем встать.

Она подчинилась, крепко вцепившись в мои ладони. Руки у нее сильные, поскольку частично выполняют функцию ног. Когда Тома на работе, Маша самостоятельно посещает туалет и кухню. Ползет, опираясь на руки – соседка как-то рассказала. Хорошо, что я этого не видел...

Оказавшись на ногах, Маша пошатнулась, я испуганно подхватил показавшееся тяжелым тело.

– Отпусти! – она уперлась руками мне в грудь. – Сама!

– Чувствуешь ноги? – спросил я, разжимая объятия.

– Да, – кивнула она. – Будто иголками колет, но терпимо.

Я отступил на шаг – если что, подхватить успею. Маша покачалась и неуверенно шагнула вперед. Вновь качнулась, закусила губу и повторила движение. На три метра от дивана до серванта она потратила минуту, но дошла! Оперлась на шкаф, передохнула и отправилась обратно. Я страховал сбоку. Оказавшись у дивана, Маша плюхнулась на него и стала рассматривать свои ноги.

– Болят, – пожаловалась.

– Не удивительно, – пожал я плечами. – У тебя же там почти нет мышц. Связки и суставы не готовы принять тяжесть тела. Потихоньку тренируй их, и через пару месяцев будешь ходить.

– Дядя Миша! – выдохнула она. – Так это правда? То, что ты маг и волшебник?

– Пока только учусь, – ответил я фразой из старого фильма. – Ты первая из больных ДЦП, кого попытался исцелить. Вроде, получилось.

– Получилось! Получилось! – горячо заверила она. – Я это чувствую. Господи! Надо же маме сказать!

– Скажем, – сказал я, присев рядом. – Знаешь, давай сделаем так...

Выслушав план, Маша довольно улыбнулась.

– Сможешь? – спросил я.

– Запросто! – завершила она. – Ох, что будет! – Маша до-
вольно потеряла руки.

Я встал и отправился на кухню. Женщины при моем по-
явлении замолчали – видно, секретничали.

– Заскучали без меня? – спросил я преувеличенно бод-
ро. – О, смотрю: рюмки пустые.

– Тебя ждали, – хмыкнула жена. – Где был так долго?

– С невестой заболтался, – ответил я, плюхнувшись на та-
бурет. – Объяснял Маше прелести жизни в гареме.

– Тьфу на тебя! – притворно плюнула Галя.

Я захохотал и, взяв бутылку, наполнил рюмки.

– Мне много не надо! – заволновалась Тамара. – Нам еще
с Машей гулять. Упаду и ее утяду.

– Не упадешь, – заверил я и опрокинул рюмку в рот, на
этот раз ощутив крепость и хлебный вкус напитка. Крякнул
и закусил ломтиком сала.

– Нас подождать не мог? – укорила жена. – Тост бы сказал
или хотя бы чокнулся.

– С ней чокнешься, – я указал на дверь. Женщины син-
хронно повернули головы.

Заходя на кухню, я оставил дверь открытой. И вот сейчас
к ней приближалась Маша. Неуверенно ступая по линоле-
уму, опираясь рукой о стену прихожей, косолапя, как мед-
ведь, но она шла. Сама! У Тома с Галей отвисли челюсти.
Маша тем временем переступила через порог, чуть качнув-
шись, подошла к столу, оперлась на него рукой, и, подвинув

к себе табурет, села.

— Что это вы делаете, а? — задала вопрос из фильма. — Пьете? — добавила, не дождавшись ответа. — Что? — цапнув рюмку с самогонкой, Маша поднесла ее к носу. — Фу, гадость!

Она поставила рюмку обратно.

— Поешь, Маша! — предложил я, поскольку дамы продолжали пребывать в ступоре.

Маша взяла вилку Тома, наколола ломтик сала и забросила его в рот. Прожевав, хмыкнула и подцепила второй.

— Машенька... — прошептала, наконец, отмершая Тамара. — Ты это... Как?

— Дядя Миша исцелил, — ответила Маша, закончив жевать, для убедительности ткнув в меня пальцем. — Сказал, что он великий маг и волшебник. Положил мне руку на затылок и держал так, пока не излечил. Холодно было! — пожаловалась. — Словно лед приложили. А потом говорит: «Встань и иди!» Я и встала... Знаешь что, дядя Миша? Я подумала и решила: выйду за тебя замуж!

Она подмигнула, поднялась и заковыляла прочь. Ну, Маша, ну, артистка! А ведь может теперь стать. С такой внешностью и способностями приемную комиссию порвет. Проводив девушку взглядами, женщины уставились на меня. Я в ответ только руками развел — дескать, сами видели.

— Миша?! — нахмурилась Галя.

— Сегодня утром меня молнией шандарахнуло, — начал я, поняв, что не отвертеться. — Не в самого, конечно, иначе бы в

головешку превратился, но сознание потерял. Очнулся, пошел в деревню, а там тетя Оля на койке стонет. Гипертонический криз. Я положил ей руку на лоб, и ее отпустило. Тебе сегодня спину излечил – помнишь, как пластом лежала? Ты еще удивлялась, что мазь помогла. Не мазь это. У тебя корешок нерва позвонки зажали, я это видел. Раздвинул и снял воспаление. Не спрашивай, как получилось, сам толком не понимаю. Решил проверить пробудившийся дар на Маше. Результат сами видели.

– Так вот зачем сюда притащил! – воскликнула Галя. – Я-то удивилась: с чего ему загорелось в гости? Не мог сразу сказать?

– Ты бы поверила?

– Нет, – смутилась жена.

– Миша! – вмешалась Тамара. – Дочка выздоровела?

– Полагаю, да, – кивнул я. – Патологию убрал, остальное зависит от вас. Будьте осторожны. Маше сейчас хочется ходить, но связки и суставы не готовы к нагрузкам. Подвернет еще ногу или, не дай Бог, сломает... Покажи ее врачу, пусть посоветует. Я, как знаешь, не медик.

– Миша!

Тамара вскочила с табурета и, обежав стол, обняла меня. Для этого мне пришлось встать. Уткнувшись лицом в мою рубашку, Тома всхлипнула.

– Но, но! – сказал я, осторожно отстранившись. – Радоваться нужно, а не плакать.

– Ты не представляешь, что сделал! – шмыгнула она носом. – Маша в будущем году школу заканчивает, одни пятерки у нее, а я ночами не сплю, все думаю: а как дальше-то быть? Кто ее, такую, в институт примет? А сейчас... а сейчас... – и Тома заревела.

– Так! – сказал я. – Прекращаем разводить сырость. Быстро за стол! Выпьем за здоровье будущей студентки!

Тома послушно вернулась к своему табурету. Я плеснул в свою рюмку самогонки, мы чокнулись и выпили.

– Что-то ты, Мурашка, стал частить, – недовольно сказала жена. – Раньше водкой не увлекался.

– Ну, так случай какой! – возразил я. Вот ведь, зараза! Не в водке дело. Не понравилось, что я с Томой обнимался – тут же по фамилии назвала. Не люблю я, когда так. В паспорте моя фамилия оканчивается на «о» – Мурашко, но Галя, когда злится, говорит «а».

– Отстань от него! – вступилась Тома. – Тебе не ругать его, а гордиться нужно. Муж-то – экстрасенс!

– А я знала? – насупилась Галя. – Мне про молнию ничего не сказал. Только здесь услышала.

– Ну, и что? – пожала Тома плечами. – О другом подумай. Миша теперь, как Чумак или Кашпировский. А они деньги возами гребут. Кстати, – она посмотрела на меня. – Сколько я должна?

– Нисколько, – покрутил головой я. – С друзей денег не беру. И с других не буду.

– Малахольный! – фыркнула Галя. – Деньги ему не нужны! А у самого три рубля в кармане. Видишь, какой? – повернулась она к соседке.

– Правильно делает, – не согласилась Тома. – Начнет сразу брать, да еще цену заломит – люди не поверят. Подумают: еще один жулик. Много их сейчас развелось, к нам тоже приходили... – она вздохнула. – А вот убедятся, что помогает...

– Сколько бы ты дала? – заинтересовалась жена.

– Все, что у меня есть, – решительно сказала соседка. – Да еще и в долги бы влезла. Ты не представляешь, что для меня значит исцеление Маши.

– Вот! – Галя обличительно ткнула в меня пальцем.

– Так! – я хлопнул ладонью по столу. – Разговоры о деньгах прекращаем – не за что их пока платить. Тома! – посмотрел я на соседку. – У тебя есть знакомые, у которых дети болеют ДЦП?

– Конечно, – кивнула она.

– Сообщи, что есть экстрасенс, который может помочь. Бесплатно. («Малахольный!» – тихо пробурчала жена). Отбери тех, у кого ситуация схожая. С олигофренией не возмусь. Там мозг поражен, воздействовать на него чревато, – чуть не сказал: «стремно».

– Сделаю! – кивнула соседка.

– Телефон наш ты знаешь. А теперь – все, – я встал.

– погоди! – Тамара, выскочив из-за стола, подбежала к шкафчику. Покопавшись в нем, вытащила две бутылки вод-

ки. – Денег не берешь, так хоть это... Я не пью, но за водку, сам знаешь, многое можно решить. Машу, к примеру, куда-то отвезти. Теперь не понадобится.

Я хотел отказаться, но опоздал. Подскочила Галя и, забрав бутылки, сунула их в пакет. Мы попрощались и ушли. К Маше заглядывать я не стал – по лицу соседки было видно, что она рвется к дочери.

– Хоть что-то! – сказала Галя дома, выставив на стол бутылки из пакета. – Дурак ты, Мурашка! Есть у нее деньги – родители помогают. Сама слышала. Могла и заплатить.

– Заткнись, а! – попросил я.

Жена зло скривилась, но промолчала. Повернувшись, ушла из кухни. Вскоре зашумела вода в ванной. Я глянул на часы – почти десять вечера, а Гале рано вставать. Это мне спешить некуда: зачеты у студентов принял, а маячить на кафедре смысла нет. В работе преподавателя есть свои плюсы. Отпуск – два летних месяца, да еще занятия со студентами три раза в неделю. Это у меня, у новенького. Другие преподаватели почти каждый день на работе. За свои «часы» они глотку перегрызут – от этого размер зарплаты зависит. Это мне дали, что самим не гоже, да еще в разгар дня. Сами быются, чтоб с утра. Отчитал свое – и день свободен...

Подумав, я сорвал пробку-бескозырку с одной из бутылок и набулькал полный стакан. Надо отметить первый день моего пребывания в новом мире и первые успехи. Заодно повод не ложиться в постель к жене – Галя не любит запах перега-

ра. Переночую на диване – так лучше. Я привычно выдохнул и влил водку в горло. Крякнув, зажевал корочкой, вытащенной из хлебницы. С почином тебя, Мурашко! И с возвращением...

Разбудил меня звонок. Громкий и пронзительный, он ударил по голове, словно обухом. Кого принесло, мать его перетак! Я вскочил с дивана, выбежал в прихожую и только там понял: телефон! Стационарный. В той жизни я от него отказался: зачем, если есть мобильный? Сейчас сотовой связи нет. Проводной телефон считается за счастье: многие ждут своей очереди годами. Нам повезло, что рядом с домом построили АТС...

– Алло! – рявкнул я, сняв трубку.

– Михаил Иванович? – спросил женский голос. – Я правильно попала?

– Смотря какой Михаил вам нужен, – буркнул я.

– Тот, который экстрасенс, – уточнила собеседница.

– Типа он, – не стал скромничать я.

– Ваш номер мне дала Тамара Синицкая, – обрадованно заговорила женщина. – Говорит: излечили от ДЦП ее дочь.

– Было, – я зевнул.

– Разбудила? – стушевалась женщина. – Извините. На часах десять – подумала, что уже можно. Мне перезвонить?

– Не стоит, – отказался я. – Все равно встал. Что у вас?

– ДЦП у сына.

Кто бы сомневался...

– Сколько лет мальчику?

– Семь.

– Тамара говорила, за какие случаи я берусь?

– Да. У нас будет посложнее, хотя олигофрении нет.

– Хорошо. Как вас зовут?

– Янина Станиславовна. Можно без отчества, я еще не старая.

– Диктуйте адрес...

– Можете взять такси, – сказала она, закончив. – Оплачу.

– Такси еще поймать надо... – вздохнул я. – Вы куда-то спешите?

– Нет, – смутилась она. – Просто...

Подгорают. Услыхала от Тамары и забила копытом.

– Буду после двенадцати, – сказал я и повесил трубку.

М-да, с транспортом нужно решать. Если дела пойдут, заманяюсь на троллейбусе ездить. Купить машину? Денег нет, прав – тоже. В той жизни я сел за руль после сорока лет. Денег не хватало, да и нужды в машине не имелось – в Минске хорошо развит общественный транспорт. Но потом сошлись с Инной, а у нее оказалась дача, унаследованная от родителей. Десять остановок на электричке и еще четыре километра пешком... После первого сезона я поскреб в затылке и записался на курсы водителей. Получив права, купил машину – «жигули», «шестерку». Обошлась в полторы тысячи долларов – больше на тот момент не имелось. Перед продажей машину нафуфлили, чтобы сбыть лоху вроде меня. «Шестерка» больше ремонтировалась, чем ездила, но все равно

стало лучше, чем электричкой добираться. Через год я это угребище продал и купил «опель». В тот раз деньги были: повезло с одной халтуркой...

С такси здесь засада – машин мало как в парках, так и в частной собственности. Купить автомобиль для советского человека – счастье, второе по значимости событие после квартиры. Над своими авто трясутся. В той жизни я снимал комнату у рабочей семьи. Они долго ждали своей очереди на «москвич». Наконец, свершилось, и хозяин под вечер пригнал «четыреста двенадцатый». Ночевать остался в машине: вдруг кто-то нехороший угонит его «ласточку» или, упаси Боже, открутит и утащит колеса? Новые-то не достать. Назавтра хозяин попросил меня помочь поставить гараж – стальной, сборный. С местом он договорился – за забором гаражного кооператива, где стояли такие же бидоны. Мы крутили гайки до ночи – хозяину помогали еще двое знакомых. Справились, обладатель «москвича» был счастлив.

Конкуренции за пассажиров здесь нет, таксисты и «бомбилы» ведут себя нагло. Это не в моем времени: хочешь «убер», хочешь «яндекс» или чисто белорусский: «семь, семь, восемь, восемь, мы вас за бухлом подбросим!»⁹ Ладно, подумаем. Я вернулся в зал, собрал и сунул в ящик дивана постель, затем не спеша и с чувством проделал армейский комплекс утренней зарядки – научили на офицерских сборах. Молодое, сильное тело легко приседало, наклонялось,

---

⁹ Пародия на рекламу известного в Минске оператора такси «7788».

отжималось от пола. Шик, блеск, красота! Только ради этого стоило возвращаться. В той жизни к пятидесяти у меня отросло брюхо, достать в наклоне кончиками пальцев пол стало невозможно. Здесь же – запросто, да еще ладошками.

Я сходил в ванную, принял душ и побрился обнаруженной за зеркальными дверцами шкафчика «микмой»¹⁰. На кухне позавтракал творогом с ломтем батона, запив их грузинским чаем и в очередной раз мысленно обматерив производителя. Чтоб вы так жили, генацвале! От вашего веника блевать хочется.

На столе лежала записка, оставленная женой: «Мурашка, ты гад! Алкоголик!» Я хмыкнул и бросил бумажку в мусорное ведро. Вот скажите, почему заурядная девочка из деревни считает себя принцессой? Внешние данные никакие, поскольку не следит за собой. Расплылась, как тесто в квашне. Сколько раз просил делать утреннюю зарядку или бегать по утрам. Лыжи ей с ботинками купил, перекладину к стене прикрутил – позвоночник растягивать, с ее спиной лучше не придумать. И что? Перекладина собирает пыль, лыжи пришлось продать за ненадобностью. Зато гонору, как у английской королевы. С той понятно, а ты кто? Образование – торговое ПТУ, учиться дальше не желает. Телевизор, посиделки с соседками, шмотье – вот и все интересы. Во время бракоразводного процесса Галя поразит судью, отвечая на вопрос, есть ли у нее претензии к супругу. Знаете, что ответила? «Он

---

¹⁰ Популярная в СССР марка электробритвы. Аналог немецкого «брауна».

книг много читает». Судья чуть со стула не упала...

Вздыхнув, я сходил в зал, нашел в серванте чистую тетрадь и вернулся с ней на кухню. Взял шариковую ручку и сделал запись за номером один: «Мария Синицкая, 16 лет. ДЦП, не ходила, остальное в норме. Лечение прошло успешно». Указал адрес, телефон Томи и поставил вчерашнюю дату – 14 июня. Буду вести учет. Для чего? А зачем в поликлиниках медицинские карточки? Вдруг кому-то понадобится повторить воздействие? Как, кстати, его определить – ну, то, чем лечу? Поле, излучение? Плюнув, я решил не заморачиваться и пошел собираться. Взял портфель, с которым хожу в университет, бросил в него тетрадь, кошелек и ручку. Все, в путь!

Янина обитала в доме на Карла Маркса, недалеко от Привокзальной площади. От остановки я пошел пешком. Центр города выглядел мрачновато. Неприятательные вывески магазинов, реклама отсутствует как класс. В моем времени ее ругали, но без этих билбордов и букв на крышах домов город выглядит заброшенным. Или это во мне человек двадцать первого века брюзжит?

Дверь открыла хозяйка – молодая женщина лет тридцати. Круглое, миловидное лицо, слегка полновата. Одета в розовый халат, явно дорогой.

– Михаил Иванович? – спросила удивленно.

– Что-то не так? – уточнил я.

– Представляла вас более солидным, лет пятидесяти, –

сказала она. – Голос по телефону был зрелым. А вы молодой.

– Не совсем, – пожал я плечами. – Будем лечить, или пойду?

– Извините! – смутилась она. – Проходите, пожалуйста.

В прихожей я скинул туфли, поставил на пол портфель и, спросив разрешения, проследовал в ванную. Помыл руки и вернулся обратно.

– Может, чаю? – предложила Янина – похоже, ощущала неловкость за неласковый прием. – С бутербродами? Я приготовила.

– Потом, – отмахнулся я. – Ведите к сыну.

Мы вошли в зал. А неплохо люди живут! Роскошная, явно импортная секция с фарфоровыми сервизами за стеклом, телевизор «Сони» на красивой подставке, журнальный столик с мраморной столешницей и диван с высокими подлокотниками. Обтянут велюром, а не рядном, как у меня. Все импортное. На полу почти на всю комнату – ковер. Ступни утонули в мягком ворсе.

Пациент обнаружился на диване. Маленький, худенький мальчик с вывернутыми болезнью ногами и руками сидел в уголке. Лицо перекошено. Над диваном висела икона – судя по изображению, католическая. Я машинально перекрестился, уловив удивленный взгляд хозяйки квартиры. Похоже, не ожидала.

– Не ходит? – спросил я.

Янина покачала головой.

– Ест сам?

– Из ложечки кормлю.

Ну, Томка, ну, аферистка! Подсуропила. Ладно...

– Как тебя зовут, герой? – спросил я, подходя к мальчику.

– И-и-и-ван, – промычал он с трудом.

Твою мать!

– Значит, так, Ваня, – сказал я, приседая рядом. – Сейчас тебя мы обследуем. Давай, положу на животик – мне так удобнее. Не возражаешь?

Он покачал головой. Ну, хоть это... Я взял легонькое тельце и примостил рядом с собой. Положил ладонь мальчику на затылок. Картинка появилась мгновенно: те же красные нити, что и у Маши. Провел руку выше – и там жар. Да еще какой! Блядь! Я убрал руку и повернулся к Янине.

– Случай сложный: поражены позвоночный столб и кора головного мозга.

– Вы сможете?..

Она не договорила.

– Попытаюсь, – пожал я плечами, – но гарантии не даю. Согласны?

– Да! – кивнула она.

– Мальчик будет ощущать холод на затылке и темени – словно положили лед. Вытерпит?

– Не беспокойтесь! – заверила Янина. – Он у нас стойкий оловянный солдатик, – глаза ее повлажнели. – Столько процедур уже прошел! Да, сына?

Мальчик в ответ что-то неразборчиво промычал.

– Тогда приступаем.

– Я могу присутствовать?

– Хорошо, – согласился я. – Только встаньте, чтобы не отвлекать. Мне нельзя терять концентрацию.

Она закивала и отошла от дивана, встав за моей спиной.

– Ну, солдатик, терпи! – сказал я и положил ладонь Ване на затылок.

Жар недовольно пыхнул, когда я обдал его холодом, затем присмирел и стал съезживаться. Интересно! Получается быстрее, чем у Маши. И усилий великих не пришлось применять. Может, дело в возрасте пациента? Запомним. Довольно быстро разобравшись с позвоночным столбом, я перенес ладонь на темя Вани, и вот тут понял, что поспешил с выводами. Жар не желал отступать, полыхая в ответ. Ах, ты, сволочь! Сука! Я усилил поток, напрягаясь изо всех сил. Ну же, ну!.. Я словно давил на резиновый мячик, но тот не поддавался, сопротивляясь. На еще! И вот так! Еще!.. Да сохни же, наконец! «Мячик» вдруг лопнул, разлетаясь угольками. Я выдохнул и стал давить их поодиночке. К тому времени, когда кончился последний, у меня не осталось сил. Я убрал ладонь с головы мальчика и сполз на ковер, опершись на подушку спиной.

– Михаил Иванович! На вас лица нет! – встревожилась Янина. – Совсем серое стало.

– Издержки профессии, – прохрипел я. – Помогите встать.

Она протянула руку. Я ухватил ее и присел на диван. Подожди, пока организм придет в норму. Вот же идиот! Зачем было так выкладываться? Можно было разбить лечение на сеансы. Куда спешил?

– Как вы? – спросила Янина.

– Вроде легче, – успокоил я. – Посмотрим пациента?

Она кивнула. Я поднял мальчика с дивана и усадил рядом.

– Как себя чувствуешь, солдатик?

– Хорошо, – выговорил мальчик. Хм, почти чисто.

– Вытяни вперед руки.

Он расправил свои скрюченные грабельки и поднял до уровня плеч.

– Коснись указательным пальцем носа. Сначала одной рукой, затем второй.

Он послушался. Однако пролет – моторика отсутствует.

– Еще!

В этот раз почти получилось – Ваня ткнул себя пальцами в щеку.

– Повторяй!

Мальчик стал, чередуя руки, тыкать себя пальцами в лицо. Где-то на десятом повторении стало получаться – угодил в нос. Я поднял взгляд на Янину. Та стояла, засунув кулак в рот, глаза – по пятаку. Вот и правильно, молчи.

– Хватит, Ваня! – остановил я мальчика. – Давай попробуем встать.

Я спустил ребенка на ковер. Поставил и отвел руки в сто-

роны, готовясь при падении подхватить. Мальчик неуверенно оперся на тонкие ножки, пошатался и сделал шагжок. Покачнулся – и второй.

– Хватит! – я подхватил его под мышки и усадил на диван. – Не позволяйте ему много ходить, – сказал Янине. – Мышц почти нет, связки и суставы не готовы. Так и травму недолго получить. Посоветуйтесь с врачом, он определит нагрузки. Я свое дело сделал.

– Михаил Иванович! – Янина прижала руки к груди. – У меня нет слов...

Эмоции, которые бушевали на ее лице, слов не требовали.

– Вы чудесник! – наконец, выпалила она.

Типа того. А что? Самому нравится.

– Вы там говорили про чай? – напомнил я.

– Конечно, конечно! – заспешила она. – Все на кухне. Сами заварите? Хочу побыть с Ваней.

Ради Бога! Я кивнул и отправился на кухню, где обнаружил на столе тарелку с бутербродами, чашки, заварочный чайник и сахарницу. А неплохо здесь живут! Бутерброды с красной икрой и сыровяленой колбасой. Страшный дефицит в СССР, если кто не в курсе. И кухонный гарнитур явно не советский. Я взял красочную жестяную банку, стоявшую на шкафчике, снял крышку. Чай! Крупный лист, черный. Ох, и оторвусь!

Чайник на плите успел остыть, я включил газ и подогрел его, сняв с огня перед закипанием. Ополоснул горячей во-

дой заварник, бросил в него пару ложек чая, залил и закрыл крышкой – пусть настаивается. Сам тем временем приступил к бутербродам. Вкусно, блин! Или это я проголодался? Расправившись с третьим бутербродом, напустил в чашку кирпично-красного настоя, добавил воды из чайника. Сахар сыпать не стал – испортит вкус. Отхлебнул – божественно! Люблю хороший чай – черный и зеленый. ТАМ я покупал его в специализированной лавочке торгового комплекса. Стоил дорого, но денег я не жалел – не так много радостей у пенсионера.

Я доедал последний бутерброд, когда в кухню вошла Янина.

– Спит! – сказала в ответ на мой вопросительный взгляд. – Устал – слишком много впечатлений. Ходить рвался – еле удержала. Так он пальчиками нос доставал. Уже почти без ошибок... – голос ее дрогнул. – Михаил Иванович, не могу поверить! Кому только Ваню не показывали! Все в один голос: безнадежно. А вы просто сели рядом, положили руку на голову...

Она всхлипнула.

– Было нелегко, – уточнил я. – Тяжелый случай.

А то! Если «просто», незачем платить. Нет уж! У меня последняя пятерка в кошельке...

– Понимаю, – закивала Янина. – Вот! – Она извлекла из кармана и выложила на стол стопку банкнот серо-фиолетового цвета. Двадцатипятирублевки... – Здесь пятьсот. Дала

бы больше, но сейчас нет – потратились на мебель. Не обессудьте.

Сомневаюсь, что нет – деньгами в квартире просто пахло. Ладно, не будем привередничать. Я сгреб купюры и сунул их в карман брюк.

– Могу я попросить? – спросил Янину.

– Что? – насторожилась она.

– Чаю, – я указал на жестянку. – Просто замечательный. Никогда подобного не пил.

Янина подошла к шкафчикам и, открыв дверцу верхнего, достала жестяную банку.

– Вот! – поставила передо мной. – Муж из-за границы привозит.

Понятно, откуда тут деньги...

– Благодарю! – кивнул я, сходил в прихожую и принес портфель. Достал из него тетрадь с ручкой. – Фамилия мальчика? Ваш телефон?

Она послушно продиктовала. Я записал, черкнув после пометку: «0,5 К». В этом времени не поймут, сам же буду знать. Социализм – это прежде всего учет, как учили нас на лекциях. Янина наблюдала за мной с уважением во взоре. Знай наших! Это вам не какой-то там Чумак из телевизора. У него – лохотрон, у нас – солидно...

К вокзалу я шагал в отличном настроении. Город не казался более мрачным. У меня вновь получилось! Плюс денег заработал. Хм! Янина, не желая того, установила тариф

на мои услуги. Прежде понятия не имел, сколько просить. Пятьсот рублей – сумма немаленькая для советского человека, но не запредельная. У многих на счетах в сберкассах тысячи лежат, которые сгорят после гайдаровских реформ. Деньги тратить не на что: товаров мало. Квартиры большей частью бесплатные, за автомобилями и мебельными гарнитурами очереди. Уже и за телевизорами появилась – в перестройку разметают все мало-мальски ценное. Народ нижней чакрой чувствует: на страну надвигает песец – большой и лохматый. Не у всех, конечно, денег много, но на лечение найдут. И не надо считать меня рвачом! Это выгодная инвестиция. Заплатив раз, избавляешься от расходов в дальнейшем. Не нужно никуда ребенка возить – сам сходит, матери детей найдут приличную работу. Сейчас они выбирают ту, что дает возможность ухода за больным, а на такой платят мало. Многие вовсе на пенсии сидят. Заплати – и будешь жить обычной жизнью. Это, между прочим, великая ценность. Понимаешь, когда потеряешь...

Выйдя на Ленинградскую, я прошагал мимо комплекса зданий БГУ. В будущем здесь возведут новый корпус, территорию облагородят. Зайти, что ли, в отдел кадров, написать заявление об увольнении? Остаться в университете я не собираюсь. Нет, глупо. Заявление не возьмут – отправят к декану за визой, а тот, полагаю, в отпуске. Вернется к вступительной кампании. Да и некуда спешить. На кафедру не дергают, через неделю уйду в отпуск – аж до конца августа.

Хотя предупредить стоит, не то выйдет подлянка. Где найти преподавателя накануне учебного года? Позвоню – на факультете ко мне относятся хорошо. Пусть ищут замену...

Из троллейбуса я вышел за две остановки до своей. Следовало заняться приготовлением еды – Галя, похоже, на нее забила. Я зашел в овощной магазин, купил картошки, свеклы, лука и томатной пасты. Свалил покупки в авоську, предусмотрительно захваченную с собой. Ассортимент в магазине удручал: ни тебе свежих огурцов, ни помидоров, ни фруктов. Чеснока – и того нет. Картошка и свекла вялые, томатная паста в литровой банке – меньше не нашлось. Кто-нибудь еще будет рассказывать про замечательные продукты в СССР?

Уходя из дома, я достал из холодильника говядину и оставил в миске на подоконнике. В первой половине дня сюда светит солнце. Как иначе разморозить? Печек СВЧ здесь нет. Пока ездил, мясо оттаяло. Я помыл кусок, срезал мякоть, косточку с остатками говядины бросил в воду и поставил вариться. Сделаю борщ. Из мякоти – гуляш, перец и лавровый лист имеются. Хорошо бы забомбить мясо по-аргентински, но где взять сладкий перец и другие компоненты?

С готовкой провозился долго – отвык. На пенсии этим не заморачивался, благо в двадцать первом веке просто: в магазинах продается масса полуфабрикатов и готовых блюд. Кашу можно приготовить из хлопьев – дело трех минут. На худой конец, есть бомж-пакеты...

Был поздний вечер, когда я завершил поварской дебют

в этом мире. Теперь поужинать: бутерброды Янины давно покинули желудок. Под ложечкой подсасывало. Я налил себе тарелку борща, в другую навалил гуляша с картофельным пюре. Поставил мисочку с салатом из капусты. Рецепт последнего прост до безобразия. Капусту нашинковать, помять, чтобы пустила сок, добавить мелко порезанный лук, соль и подсолнечное масло. Пальчики оближешь! Выставил из холодильника початую бутылку водки, выставил ее на стол, присовокупив рюмку. Последнюю наполнил до краев, с вожделием заметив, как разом запотело стекло. Ну, с Богом! Я опрокинул в рот ледяную жидкость, крикнул и заел ложкой горячего борща. Жить, как говорится, хорошо!

Я заканчивал с борщом, когда от входной двери донесся звук отпираемого замка. Спустя пару мгновений в кухню с сумкой в руках вошла Галя.

– Та-а-ак! – протянула она зловеще, поставила сумку на пол и уперла руки в бока. – Снова пьем? Совсем оборзел! Второй день подряд!

– Здравствуй, дорогая! – улыбнулся я. – Есть хочешь? Имеются борщ, гуляш с картофельным пюре, салат из капусты.

– Подлизаться решил? – прищурилась жена. – Не получится! Не знаю, какой у тебя борщ, Мурашка, но все равно не прощу!

– А за деньги?

– Какие? – насторожилась она.

– Вот! – я достал из кармана и выложил на столешницу стопку двадцатипятирублевых. – Гонорар за лечение.

– Тома, что ли, заплатила? – недоверчиво спросила Галя, подходя ближе.

– Другая мамочка – я сегодня ее сына исцелил. Телефон наш ей дала Тома.

Галя схватила деньги и мгновенно пересчитала. Пальцы так и мелькали. Профессионал...

– Триста рублей! – сказала потрясенно. – Наша с тобой месячная зарплата! Ой, Миша! Ты у меня такой молодец!

Какая мгновенная смена настроения! Это ты про пятьсот рублей не знаешь... А что? Уважающий себя мужчина должен иметь заначку.

– Подожди, я сейчас!

Галя чмокнула меня в щеку и умчалась, не забыв прихватить деньги. Из ванной донесся шум воды. Спустя минуту она ворвалась в кухню и плюхнулась на табурет.

– Налей мне борщу! – велела, придвигая ближе миску с салатом. – Водки тоже. Будем праздновать!

Праздновать спокойно нам не дали. Звонок в дверь, и Галя побежала открывать. Вернулась с Томой.

– Вот! – гостя водрузила на стол бутылку шампанского. – От нашего стола – вашему. Видела в окно, как Галя прошла – дай, думаю, навещу.

– Садись, подруга! – улыбнулась жена. – Миша борщ сварил, гуляш приготовил, салат даже. Отведай!

– Он еще и готовит?! – удивилась соседка, опускаясь на табурет.

– Прежде замечен не был, – хмыкнула жена. – Хорошо его молнией пиз**нуло! Миша, что стоишь? Принеси бокалы и открой шампанское! Будем праздновать.

Я сдержал готовое сорваться с губ ругательство. Раскомандовалась торговля! Да еще матерится. В гастрономе сквернословят все: от грузчика до директора, вот и эта набралась. Соседки бы постеснялась.

Сходил за бокалами, разлил шампанское, себе плеснул водки. Выпили, закусили.

– Вкусно! – оценила Тома, покончив с борщом и придвигая к себе тарелку с гуляшом. – Повезло тебе, Галя! Муж – целитель, да еще повар.

– Ну, так я того стою! – хмыкнула жена.

Соседка глянула на нее, но промолчала. Я вновь наполнил бокалы. Окончание ужина прошло в тишине – все сосредоточенно ели.

– Спасибо, Миша! – сказала Тома, отодвинув опустевшую тарелку. – Давно так вкусно не ела. У тебя талант! Я, собственно, зачем зашла? Хотела рассказать, что Маша сегодня учудила – сама из дома вышла.

– Зря, – покачал я головой. – Перед подъездом высокое крыльцо. Могла упасть. Там же ступени.

– Вот и я отругала, – вздохнула соседка. – Только толку! Говорит: за перила держалась, их ЖЭС для бабок устано-

вил. Хорошо, что обошлось. Зато довольная такая. Рассказала мне, как было. Вышла, значит, а на лавочке у крыльца бабки сидят. Дочку увидели – онемели. А та тихо подошла, села рядом и говорит: «Здравствуйте, соседки! Погода сегодня хороша. Вот, погулять вышла». У бабушек глаза по блюдцу, – Тома засмеялась.

– И что дальше? – поторопила Галя.

– Ничего, – ответила Тома. – У них мову¹¹ отняло, так ничего и не сказали. Дочка посидела пару минут, встала и ушла.

Ну, теперь понесут по кочкам... Бабки у подъездов в этом времени заменяют интернет. Инстаграм, Фейсбук и Твиттер в одном флаконе.

– Еще Яня позвонила, – продолжила соседка. – Благодарил, что рассказала о тебе. До сих пор под впечатлением, как ты Ваню исцелил. Она его к врачу свозила. Говорит, тот в шоке. Долго удивлялся, все не мог поверить. Просил у Яни твой телефон. Она спрашивает: давать?

– Ни за что! – поспешил я.

– Почему? – удивилась соседка.

– Потому что врач первым делом спросит: как исцеляю? А я и сам не знаю. Предложат провести эксперимент. Если исцелю, возьмут в оборот: дескать, продолжай, будем изучать.

– Так это ж хорошо! – воскликнула Тома.

– Для кого? Объяснить, что будет дальше? Медицинско-

---

¹¹ То есть потеряли речь. Распространенное в Беларуси выражение.

го образования у меня нет, врачом в клинику не возьмут, даже фельдшером. Максимум, что светит, должность санитаря. А теперь представим, что процесс пойдет. Скоро вся страна узнает, что в Минске есть кудесник, который лечит ДЦП. СССР большой, и больных детей в нем много. Люди ломанутся в Минск. Экстрасенс же не автомат, чтобы исцелять пачками. Возникнет вопрос: кого из страждущих пропустить вперед? И кто будет это определять?

Я обвел женщин взглядом. Молчат, не сообразили.

– Отвечу: медицинское начальство. Оно установит очередь и станет ее регулировать. Многие ждать не захотят, и тут им намекнут... Сам профессор или главный врач до такого не опустятся, но ведь есть санитары, нянечки, медсестры. Быстро донесут мысль до родителей, как обойти очередь, и сумму назовут. Скажу больше: деньги, которые заплатила Яня, покажутся копейками в сравнении с теми, какие начнут драть с несчастных. Что в итоге? Дурачок за зарплату санитаря будет исцелять детей, а медицинское начальство – набивать карманы.

– А вот х*й им! – воскликнула жена.

Я захохотал.

– Не подумала, – призналась соседка. – Какой ты умный, Миша!

Я такой. Жизненный опыт не пропьешь. Хорошо помню, какой кавардак творился в медицине 90-х. Это потом навели порядок. В стране появились медицинские центры, к

нам стали приезжать лечиться иностранцы – даже из Израиля. Современным оборудованием оснастили клиники даже в провинции, а не только в столице. Не отказываясь от советского опыта, обучили врачей передовым методам лечения. В областных центрах делают пересадки сердца и легких, а не только почек. Когда в мир пришел короновирс, Беларусь – чуть ли не единственная страна в мире – не стала вводить карантин. В нем просто не было нужды: хватало коек, врачей и аппаратов ИВЛ. Незадолго до моей смерти австрийцы изумленно написали: Беларусь при таком же населении, не вводя локдаунов и не закрывая границ, потеряла от ковида меньше людей, чем богатая Австрия...

– Кстати, о деньгах, – продолжила Тома. – Я тебе так и не заплатила. Хочешь, попрошу у родителей? Они дадут.

– Нет! – отрезал я. – Уже обсудили. Ты мне помогаешь, сводя с родителями больных детей.

– За этим тоже зашла, – сказала соседка. – Есть у Яни знакомая с больным сыном. Мальчик, двенадцать лет, ДЦП, не ходит. Яня рассказала ей про тебя, женщина согласная. Сколько заплатить, знает. Поможешь?

– Попытаюсь, – ответил я, – но гарантий не даю. Если не получится, платить не надо. Так и скажи.

– Поняла, – кивнула соседка. – Только...

– Что?

– Яня говорит: она очень богомольная. После того, как сын с ДЦП родился, ударилась в веру. По монастырям ездит.

ла, все мощи перецеловала, сына к ним прикладывала. Не помогло, но она верит. Спрашивала у Яни, чьей силой ты ле- чишь? Божеской или бесовской?

– Если для нее это так важно, пусть не звонит, – пожал я плечами. – Монастырей в стране много, и мощей в них хватает.

– Не говори так, Миша! – насупилась соседка. – Яня го- ворит: женщина хорошая, работающая. На дому платья шьет, клиенты в очереди стоят. Но со здоровьем сына не повезло, как у нас с Машей. Мужья нас бросили, алиментов не до- ждешься. Мой, как укатил на севера, так ни слуху, ни духу. Повезет – денег пришлет, не захочет – ищи его! У той жен- щины аналогично. Что тебе до ее веры?

– Ладно, – кивнул я. – Помогу.

Знать бы тогда, с чем столкнусь! Только я не пророк. Ве- чер завершился томно. Мы допили шампанское и водку из початой бутылки. Я открыл следующую. Понесло Остапа. Так и алкоголиком стать можно. Набрались все. Даже Галя, а она, к слову, не любительница. Мне пить тоже не мешала – вот что триста рублей животворящие делают! Вечер завер- шился в постели, где я под влиянием алкоголя прочитал су- пруге главы из Камасутры. В смысле, показал на практике. Ей понравилось, мне – тоже. Молодое тело требовало раз- рядки, и я ее получил.

Новая клиентка обитала на другом конце города – добирался полтора часа. Вновь подумал, что нужно что-то решать с транспортом. Словно утверждая меня в этой мысли, перед нужным подъездом обнаружилась новая «семерка»¹² синего цвета. По местным понятиям – «мерседес». Я невольно остановился, разглядывая машину. Новая, блестящая. Сверкающая хромом решетка радиатора, такая же накладка на переднем бампере, за лобовиком на зеркале заднего – деревянный православный крест. Странно. Мода на иконки на приборной панели, вроде, пока не наступила.

Дверь мне открыла невысокая, худенькая женщина лет тридцати с печальным лицом. Одета в темное в платье с фартуком, на голове – косынка.

– Здравствуйте! – сказал я. – Михаил Мурашко, экстрасенс.

– Спаси Бог! – ответила она, отступая в сторону. – Проходите.

Я вошел в прихожую и едва не столкнулся со... священником – настоящим, в рясе и с наперсным крестом. Рослый батюшка! Борода и волосы на голове аккуратно пострижены, на вид где-то лет сорока. Он стоял и смотрел на меня с лю-

---

¹² ВАЗ 2107.

бопытством.

– Благословите, батюшка! – сказал я, складывая ладони перед грудью.

Он привычно вздернул руку вверх, но в последний миг замер.

– Православный? – спросил строго.

– Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым... – забормотал я Символ Веры, краем глаза заметив, как светлеет лицо хозяйки квартиры. – Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь!

– Не ожидал, – удивленно произнес поп. – Склони голову, чадо. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа... – он прекрестил меня. – А теперь поговорим.

Поп ухватил меня под локоть и потащил на кухню.

– Садись! – велел, указав на табурет. Сам устроился напротив. Хозяйка осталась стоять в дверях. – А теперь поведай, раб Божий Михаил, чьей силой ты исцеляешь? Не бесовской ли?

– Как это определить?

– Ты не знаешь? – удивился он.

– Не сведущ, батюшка, – я развел руками.

– И давно ты этот... Экстрасенс?

– Третий день. Меня молнией шваркнуло – в деревне было. У родственников гостил, там и случилось.

– И ты уцелел? – изумился поп. – После молнии?

– Бог спас, – перекрестился я.

Поп и хозяйка последовали моему примеру.

– После того и открылась во мне способность, – вдохновенно вещал я. – Наложу руку на больное место человека и вижу, что там не в порядке. Ну, и исцеляю по мере сил.

– Неожиданно, – сказал поп. – Думал: воду заряжаешь или заставляешь головой крутить. Ну, как эти, в телевизоре.

– Бесовство! – осудил я гневно.

– Да еще какое! – согласился поп. – Ты, значит, не такой. Богу молишься?

– Утреннее и вечернее правило – обязательно, среди дня – тоже. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного! – перекрестился я.

– Похвально! – кивнул поп. – В церковь ходишь?

– Редко, – повинился я. – Не привык.

– А вот это плохо, – осудил он. – Как же ты, не исповедовавшись и не причастившись, исцелять идешь?

– Как вас звать, батюшка? – поинтересовался я.

– Отец Григорий.

– Приходилось ли вам, отец Григорий, болеть и обращаться к врачу?

– Бывало, – подтвердил он.

– А ведь доктор перед тем, как лечить вас, наверняка не исповедовался и не причащался. Более того, как подозреваю, врачи наши в большинстве своем атеисты, а другие, помилуй

их, Господи! – члены партии. Это не мешало вам обращаться к ним за помощью?

– Дерзок, чадо! – нахмурился поп. – Не забывай, что врачи бесплатно лечат. А вот ты деньги берешь.

Он осуждающе ткнул в меня пальцем.

– Как и вы, батюшка, за требы¹³, – не замедлил я. Учиненный мне допрос начал утомлять. Нет, можно послать попа на хрен – тем более, что нарывается. Но тогда уйдешь не солоно хлебавши. Я ребенка лечить приехал, ну, и денежек заработать. Три рубля в кошельке...

– Я столько не беру, – обиделся поп.

Ну, так и результат разный. Зайдем с другой стороны...

– Это ваша синяя «семерка» у подъезда? – спросил я.

– Да, – подтвердил он.

– У меня нет машины, а она нужна. На своем транспорте смог бы посетить большое число больных детей. Это грех – думать о таком? Грех – исцелять детей, снимая с плеч родителей тяжкий груз? Вы сейчас скажете, что болезнь – это испытание, которое послал им Господь. Пусть так. Но если Он, – я указал пальцем в потолок, – позволяет безбожнику и атеисту, это я о врачах, излечить верующего от недуга, значит, такова его воля. Ибо ничего в мире не делается помимо нее.

– Иногда Господь попускает деяниям бесовским, – возразил поп.

---

¹³ Треба – молитва по требованию. Крещение, венчание, освящение дома и т. п.

– «По делам их узнаете их», – процитировал я Евангелие. – А теперь, батюшка, хотел бы заняться тем, за чем пришел. Или мне уйти?

– Нет, что вы! – подскочила хозяйка. – Идемте, Михаил!

– Я могу присутствовать? – поинтересовался поп, поднимаясь с табурета.

– Если будете стоять тихо и не отвлекать, – кивнул я.

Мальчика звали Николай, болезнь его оказалась в стадии где-то посерединке между тем, что наблюдал у Маши и Вани. Кора головного мозга затронута, но не так обширно, как у сына Янины. Подумав, я решил начать именно с нее. Попотел, конечно, но не до потери сознания. Завершив, решил сделать перерыв. Хозяйка, ее звали Настей, напоила нас чаем – к моему удивлению, приличным.

– Клиентки приносят, – пояснила, когда я поинтересовался. – У некоторых мужья за границу ездят, как у Яни, например. Он фуры на Запад гоняет.

Теперь ясно, откуда у Янины мебель и телевизор «Сони». Был у меня в той жизни знакомый, работавший в минском отделении «Совтрансавто». За рулем грузовика исколесил всю Европу. Нередко возвращался в СССР порожняком – с логистикой тогда было худо. Водители экономили выданную в качестве суточных валюту, ночевали в кабинах, чтобы не платить за гостиницу, возили и продавали на Западе водку, икру и другие советские товары. Обратно везли дефицитные в Союзе ништяки. Знакомый даже иномарку себе приволок:

загнал в фуру по сходням, закрепил и привез. На таможене почесали в затылках, но пропустили – все легально.

Попив чаю, я вернулся к пациенту, где и довершил исцеление. Дальше было привычно: первые самостоятельные шаги мальчика, слезы матери...

– Впечатляет, – сказал батюшка, когда мы, оставив Настю с сыном, вернулись на кухню. – В первый раз такое вижу. У вас действительно дар, Михаил. Знать бы только, от кого? – он вздохнул. – Буду рад видеть вас среди своих прихожан. Приходите. Исповедую, причащу, побеседуем.

– Благодарю, батюшка! – кивнул я, не выказав, Впрочем, особого рвения. Врать на исповеди нельзя. Как сказать, что сознание старика переместилось в мое же тело тридцатью годами моложе? Это раз. И два. Мне нельзя ложиться ни под медиков, ни под попов. И те, и другие блюдут свой интерес. Запрягут дурачка в оглобли и станут погонять. Будешь пахать за миску супа. Разве что в первом случае деньги пойдут в карман медиков, во втором – на благие дела. Только дел тех море, а экстрасенс один. Да еще наставлять примутся, чтоб не жадничал – стяжательство в православии не приветствуется. Ну, типа. Попы с «айфонами» и на джипах не в счет. Это другое...

– Пойду, прихожане ждут, – разочарованно произнес отец Григорий и удалился. Подвезти меня, ясен пень, не предложил. Ну, и ладно. В прежней жизни в 90-е я стал ходить в церковь. Исповедывался, причащался, ревностно чи-

тал Евангелие и жития святых. Все, как советовал настоятель храма. Церковь располагалась в помещении бывшей почты – ради этого закрыли отделение. Новый храм, на который прихожане собирали деньги (была там и моя лепта), все никак не мог выйти из стадии котлована. Настоятель объяснял это нехваткой средств. Сам, однако, ездил на джипе, а его матушка щеголяла в норковой шубе, причем, их у нее было две. Это в 90-е! Я старался не прислушиваться к сплетням: мало ли что болтают злые языки? А потом узнал, что батюшка отказался от сана и подался в бизнес. Сам ли так решил или в епархии «посоветовали» – не в курсе. В храм пришел другой настоятель – этот ездил на ржавой иномарке. Зато через пару лет новая церковь приняла под свои своды паству... Это я к чему? В любом деле есть подвижники и рвачи, только в церкви «ху из ху» заметнее.

Воспоминания прервала хозяйка. Влетев в кухню, она рухнула на колени, схватила мою руку и принялась ее целовать.

– Что вы, Анастасия! – возмутился я. – Прекратите! Слышите!

– Михаил Иванович, дорогой! – запричитала она, всхлипнув. – Вы не представляете, что сделали! Я как в склепе жила. А тут словно солнышко заглянуло.

– Вот и радуйтесь, – буркнул я, усадив ее на табурет.

– Простите меня, дуру! – она глянула на меня влажными глазами. – Я ведь сомневалась в вас, батюшку позвала. Вдруг

бесноватый какой явится? А вы верным оказались, да еще чудо сотворили именем Божиим.

– Батюшка в этом не уверен, – вздохнул я.

– Как иначе? – удивилась она. – Он же рядом стоял, и крестился, когда вы Колю исцеляли. Никакой бес подобного не выдержит.

Пусть будет так.

– Подождите здесь!

Я сходил в прихожую, принес тетрадку, записал в нее данные мальчика. Продиктовав их, Настя извлекла из кармана фартука стопку денег и положила передо мной.

– Не разорил? – спросил я.

– Что вы! – затрясла она головой. – Не бедствую. За такое и тысячи не жалко. Может, добавить?

– Нет, – отказался я. – Достаточно.

– Спаси вас Бог! – поклонилась Настя.

Я вложил деньги в тетрадь, закрыл ее и отправился в прихожую. Спустя пять минут трамвай вез меня обратно. Сидя у окна, я размышлял: процесс, кажется, пошел, как говорит меченый генсек, пора выстраивать бизнес-план. Первым делом открыть счет в сберкассе и складывать на него деньги. Отдавать Гале нельзя – растратит вмиг. Бережливостью жена не отличается: тряпье, украшения, косметика... Мне машина нужна – без нее, как без рук. Хорошо бы снять квартиру и принимать больных там. Мотаться по вызовам допустимо поначалу, затем дело нужно ставить осно-

вательно. Кстати, о сберкассе. Если кто не знает, счета в ней с особым статусом. Например, в случае развода обязательному разделу не подлежат¹⁴. Дальше объяснять?

Идем дальше. Нужно запретить Томе давать пациентам мой номер телефона – жизни не дадут. Это пока обо мне не знают. Вывод: нужен диспетчер-секретарь. Он станет принимать звонки, беседовать с родителями детей, отсекая безнадежных пациентов, и выстраивать график приема. Где найти? Вопрос! Интернета нет, объявления не разместить, резюме не пришлют. Тома в диспетчеры не годится – днем работает. Жена? Упаси, Боже! Хм! А что, если?..

Зайдя в свой подъезд, я позвонил в дверь Синицких. Открыла Маша.

– Дядя Миша! – заулыбалась, завидев меня. – Здравствуйте!

– Здравствуй, невестушка! – улыбнулся я в ответ. – Как чувствуешь себя?

– Замечательно! – сообщила она радостно. – Ходить пока не слишком получается, но я учусь.

– Не усердствуй! – предупредил я. – Нельзя сразу много.

– Понимаю, – кивнула Маша. – Я осторожно. Но все равно столько радости! Как заново родилась. Если вы к маме, то она на работе.

– Нет, не к маме, а к тебе, – сказал я. – Есть дело. Давай

---

¹⁴ Реальный факт. Счета в сберкассах СССР не считались общим имуществом супругов.

где-нибудь присядем.

Она отвела меня на кухню.

– Не желаешь поработать? – спросил я, устроившись на табурете. – У тебя каникулы, заняться нечем. А тут интересное занятие, да еще заработок. Матери поможешь.

– Кто ж меня возьмет? – вздохнула Маша.

– Я.

Она глянула удивленно. Рассказал ей о будущих обязанностях.

– Почему я? – поинтересовалась Маша.

– Ты болела ДЦП, потому легко сможешь отсеять тех, кому я помочь не в состоянии. При необходимости расскажешь родителям, как проходит исцеление. В твоих устах это покажется убедительным. Платить буду сто рублей в месяц. Вот аванс.

Я достал из кармана и выложил на стол две банкноты по двадцать пять рублей.

– Много, дядя Миша! – замахала она руками. – Мама сто двадцать зарабатывает, так она бухгалтер с высшим образованием.

– Эта работа хлопотная, – возразил я. – Даже не представляешь, насколько. В первое время звонков будет мало, но потом замучишься бегать к телефону. Поесть не дадут. Да еще ночью могут позвонить, хотя на это время телефон лучше отключать. Выдержишь?

– Да! – кивнула Маша.

– Значит, решено, – я встал. – И еще. Попроси маму, чтобы не рассказывала о нашем разговоре Гале.

– Будете разводиться с ней? – выпалила Маша и покраснела.

Я в ответ укоризненно покачал головой.

– Мама говорила, что тетя Галя не ценит своего счастья, – тихо сказала Маша, опустив взор. – Муж ей золотой достался, а она в грош его не ставит. Я согласна с мамой, – она с вызовом глянула на меня.

– Вернемся к этому разговору позже, – вздохнул я и погладил ее по голове. – Все не так просто, девочка. Повзрослеешь – поймешь.

– Мне уже шестнадцать лет! – обиделась Маша. – Могу даже замуж выйти.

– Подрасти сначала, невеста! – хмыкнул я. – Закончили. Привет маме.

Галю я застал дома – вертелась перед зеркалом в прихожей. На ней красовалась черная мохеровая кофта-кардиган с длинными рукавами. Из-под края на боку свисала этикетка.

– Глянь! – затараторила жена, едва я переступил порог. – В ЦУМе три часа в очереди отстояла. Зато купила. Как тебе?

– Шик, блеск, красота! – оценил я. – Есть хочу.

– Извини, не приготовила, – развела она руками. – Не успела – в магазин поехала. Дефицит выбрасывают с утра.

Мысленно выругавшись, я прошел в кухню. Сука, будто в общежитии живу! В холодильнике нашлась вареная колбаса,

в морозильнике – пельмени. Больше ничего – борщ с гуляшом доели вчера. Значит – пельмени. Я налил в кастрюлю воды и поставил на плиту.

Галя заглянула в кухню, когда вода закипела.

– На меня тоже вари! – потребовала, увидев на столе пачку пельменей. – Проголодалась.

Я молча высыпал содержимое пачки в кипяток, помешал ложкой. Теперь подождать, пока всплывут.

– Где был? – поинтересовалась жена, присаживаясь на табурет.

– У пациента.

– Заплатили?

– Да.

– Сколько?

– Все мои.

– Ты с чего так, Мурашка? – насупилась она.

– С того! – я швырнул ложку на стол. – Прихожу домой с работы, а пожрать нечего, хотя у жены выходной. Она, видишь ли, побежала дефицит ловить. Про то, что муж придет голодный, не подумала.

– Я ведь извинилась!

– Извинения в тарелку не нальешь. А теперь скажи: на хрен мне такая жена?!

– Ты! Ты...

Глаза Гали налились слезами. Она вскочила и выбежала из кухни. Ну, и вали! Я спокойно доварил пельмени, слил бу-

льон в раковину, положил в тарелку ломоть сливочного масла и навалил сверху исходящих паром мясных изделий. Поставив на горячую конфорку чайник, сел к столу. Ел, не чувствуя вкуса. Да какой он у фабричных пельменей? Это не еда – корм. «Фуд», как говорят американцы.

Галя появилась, когда я допивал чай. С независимым видом пересыпала в тарелку оставшиеся пельмени и, взяв вилку, присела к столу. Я допил чай и закурил. В прежней жизни мне этого не позволяли – выгоняли на лоджию. Но сейчас было плевать. Пусть только вякнет! Галя, видно, сообразила – дернула плечом, но промолчала. Я курил, пуская дым к потолку, и смотрел, как она ест.

Сигарета догорела. Я затушил бычок в пепельнице и встал.

– Миша...

– Что?

– Я больше не буду.

У меня глаза полезли на лоб. В прошлой жизни в подобной ситуации со мной перестали бы разговаривать, на неделю отлучив от тела.

– Сглупила, – торопливо сказала жена. – Ты вчера денег дал, я подумала: скорей что-нибудь купить. Цены растут, везде очереди.

И, естественно, купила себе кофту. То, что у мужа единственный костюм, да и тот ношенный, на ум не пришло. Ну, а что сделаешь? Галю мне не перевоспитать.

– Сколько стоит кофточка? – спросил я.

– Сто двадцать рублей.

Месячная зарплата Тамары. Потому жена и ухватила – для советского человека дороговато. Не у каждого в кошельке окажется нужная сумма. Да и тратить их на кофту... 120 рублей стоят импортные женские сапоги, причем, отличного качества.

– Денег дашь? – спросила жена.

Ожидаемо.

– У тебя осталось сто восемьдесят рублей.

– Пятьдесят, – вздохнула она. – Я еще кой-чего прикупила. Ну там, белье, косметику...

– Завтра. Мне нужно приодеться. Джинсы старые, – я оттянул пальцами штанины на бедрах. – Туфли стоптаны – не сегодня-завтра развалятся. А у меня клиенты. Увидят оборванца и решат: с чего ему платить? Да еще столько много? Ста рублей хватит. По одежке встречают.

– Хорошей в магазине не купить, – возразила жена.

– Поищем места, – хмыкнул я и прошел в прихожую. Там достал из портфеля тетрадь и набрал номер Янины. Почему ее? Если муж ездит за границу, то выход на фарцовщиков у нее есть. Не сама же дефицитом торгует.

Трубку сняли почти сразу.

– Алло?

– Здравствуйте, Янина, – сказал я. – Это Михаил. Решил поинтересоваться, как там Ваня?

– Замечательно! – затараторила она. – Потихоньку учимся ходить. Ест сам. Не всегда, правда, попадает в рот, салфетку подвязываю, но по сравнению с тем, что было, – небо и земля. Говорить начал. Пока неуверенно, да и слова тянет, но лопочет с утра до вечера. Я вам так благодарна!

– Рад слышать. У меня к вам просьба. Не давайте никому мой телефон. По вопросу исцеления пусть звонят Тамаре.

– Хорошо.

– И еще. Есть знакомые, у которых можно приодеться? Ну там, джинсы, батник, шузы¹⁵?

– Это лично вам? – уточнила она.

– Да.

– Поищем. Я перезвоню.

В наушнике запипикало. Я положил трубку на аппарат и стал ждать. В прихожую выглянула жена.

– Ну, что?

– Обещали подогнать товар, – сказал я. – Импортный. Связываются с продавцом. Получится – съезжу.

– Мне с тобой можно?

– В другой раз.

Она поджала губы.

– Надо посмотреть, что там есть, да и денег мало, – объяснил я. – Насчет женского спрошу.

– Ладно, – вздохнула Галя и ушла на кухню. В этот миг зазвонил телефон.

---

¹⁵ Рубашка, ботинки. Искаженное с английского.

– Записывайте адрес, – сказала Янина.

Я прижал трубку плечом к уху, взял ручку и стал черкать на листе тетради – не своей, а специально для того предназначенной. Постоянно лежит на столике, как и ручка.

– Хозяйку зовут Клара. Скажете, что от меня. Ранее четырех не приходите – дома не будет, – закончила Янина.

– Спасибо, – поблагодарил я и положил трубку. Глянул на циферблат часов – без четверти три. Пора выезжать.

Клара обитала в «сталинке» на Ленинском проспекте неподалеку от Янины. Я нажал кнопку звонка, за обитой дерматином дверью раздалась приглушенная мелодия. Через несколько секунд щелкнул замок, между дверью и косяком появилась щель, перекрытая цепочкой.

– Кто? – настороженно спросил женский голос изнутри.

– Здравствуйте, Клара! – поспешил я. – Это Михаил. Вам Янина должна была звонить.

Дверь закрылась, загремела цепочка, и меня впустили за порог. Путь дальше преграждала хозяйка, женщина лет сорока с грубым крестьянским лицом. Одета в джинсовое платье, фигура плотная, кряжистая. Взгляд настороженный. Ее можно понять. Уголовную статью за спекуляцию в СССР пока не отменили.

– Чем могу быть полезна, Михаил?

– Приодеться нужно, – поспешил я. – Джинсовый костюм, батник, шузы.

– Снимайте ботинки и проходите, – она указала на дверь

в комнату. — Я сейчас.

В зале, а это был он, я присел на диван и огляделся. Мебель не такая богатая, как у Янины, но тоже импортная. Телевизор — заграничный, но не «Сони», а «Шарп». Сверху — видеомаягнитофон: не советская «Электроника ВМ-12», а «Панасоник». Между прочим, целое состояние стоит. «Видики» в этом времени меняли на автомобиль. Неплохо живут советские спекулянты.

Клара появилась в зале с ворохом пакетов и коробок в руках. Аккуратно сложила их на диван.

— Костюм, «Вранглер», — бросила один из пакетов мне на колени. — «Ливайса» нет. Примеряйте!

Я расстегнул пуговицу, вжикнул молнией и потащил с себя джинсы. Клара не стала уходить или отворачиваться. Ну, да! Вдруг гость схватит барахло и убежит. Я вытащил из пакета джинсы, расправил и натянул на задницу. Пробежался пальцем по «болтам». Хм, мой размерчик.

— Хорошо сели, — подтвердила Клара. — Даже подшивать не нужно.

Я надел куртку, застегнул болты и подошел к висевшему на стене зеркалу. Наверняка для таких целей и прицеплено. Повернулся вправо, влево. Красота! Как на меня шито.

— У вас спортивная фигура, — заметила Клара. — Легко подобрать размер. А то бывает — джинсы сядут, а куртка не налезет. Или наоборот. Пятьсот рублей.

— Сколько?! — ахнул я.

– Поищите подешевле, – усмехнулась Клара. – Я и так двадцатку скинула, потому что от Янины. Брать будете?

– Да! – сказал я. Снимать костюм не хотелось. В прошлой жизни я мечтал о таком, но купить не смог: денег не было.

– Батник мерять будете?

– Лучше шузы, – сказал я.

При таких ценах я отсюда без штанов выйду. Сколько у меня? 200 рублей, оставшиеся от Янины, плюс 500 от Анастасии. Итого семьсот. 50 рублей отдал Маше, осталось 650.

– Вам модные или на сезон? – поинтересовалась Клара.

– На сезон. Что-нибудь типа сандалет, – попросил я. – Главное, чтоб удобно. Сорок четвертый размер.

Клара вытащила из коробки темно-коричневые сандалеты, протянула мне:

– Немецкие, с ортопедической подошвой.

Я взял сандалет и рассмотрел. Хорошо выделанная, но не тонкая кожа. Кожаная стелька, подошва из полиуретана, прошита по краю. Высокий ортопедический задник. Это даже не сандалеты – летние туфли с вырезами сбоку и плетением спереди. Выглядят как утюги, но немцы именно так делали. «Квадратиш, практиш – гуд».

– Примерьте! – в руке Клары появилась ложечка.

Я присел на диван и обулся, после чего прошелся по комнате. М-да. «Спит нога», как говорил один знакомый об удобной обуви. Снимать не хочется.

– Сколько?

– Двести рублей.

Твою мать! Я вернулся к дивану и стал стаскивать с ноги туфлю.

– Что-то не так?

– Денег не хватает, – вздохнул я. – Давно не покупал себе вещей – не рассчитал с ценами.

– Погодите, Михаил! – остановила меня Клара. – Янина говорила: вы экстрасенс. Сына ее вылечили.

– Есть такое, – кивнул я.

– Гипертонию можете?

Я внимательно посмотрел на нее. Так, кожа на лице красноватая, взгляд слегка мутный.

– Какая степень?

– Третья, – вздохнула она. – До двухсот прыгает. Таблетки помогают плохо. Вот и сейчас голова тяжелая. Если исцелите, уступлю шузы, скажем, за сто пятьдесят.

Как-то дешево ты меня ценишь... Ладно.

– Присядьте! – я указал на диван.

Она подчинилась. Я положил ей ладонь на лоб, ощутив под ней пыхнувший жар. Ну, это не ДЦП. Где-то пару минут я лил в лоб холод из ладони, жар постепенно съезился и исчез.

– Полегчало, – изумленно сказала Клара. Она встала и прошла по комнате. – Вы кудесник, Михаил! Забирайте все за шестьсот пятьдесят.

Это ты легко хочешь отделаться...

– Приступ я снял, но болезнь обязательно вернется. Если хотите исцеления, следует продолжить.

Она схватила на лету.

– Сколько?

– Янина заплатила мне пятьсот.

– Гипертония не ДЦП, – возразила Клара.

– Это так кажется, – развел я руками. – Сначала высокое давление, затем – инсульт или инфаркт. Впрочем, как хотите. Это ваше здоровье.

– Гарантия?

– А врачи ее дают?

– Они лечат бесплатно.

– Хорошо, – кивнул я. – Год. Если приступ повторится, повторю лечение бесплатно.

– Согласна.

– Присядьте! – я указал на диван рядом с собой.

Она подчинилась. Я положил ей ладонь на голову. Так, жара нет, здесь разобрались. Нужно смотреть дальше.

– Снимите платье.

Клара даже глазом не моргнула. Через мгновение представла передо мной в лифчике и трусиках. Красивое белье – себя не обижает. Я вновь указал на место рядом с собой. Она села. Я положил ладонь чуть ниже двух чашек бюстгалтера. При гипертензии первым делом нужно смотреть сердце, а оно находится не там, где большинство считает. Между легких, над мечевым отростком. Секунда – и над телом женщины появи-

лась картинка: трепыхающееся сердце и ведущие к нему артерии и вены. Так... Этот сосуд явно не в порядке. Да и левое предсердие...

– Сейчас будет холодно, потерпите.

Привести в норму сосуд и сердце стоило усилий, но оказалось легче, чем с ДЦП. Интересно, почему?

– Готово.

Клара встала и прошла по комнате.

– Хм! – сказала удивленно. – Вы волшебник, Михаил! Словно десять лет сбросила. Мужика, что ли, завести?

Она подмигнула. Нет, уж! Мне столько не выпить. Я выразительно потер большим пальцем правой руки об указательный и средний. Она вздохнула, подошла к дивану и накинула платье.

– Вам вещами или деньги?

– Вещи. Для начала платье, как у вас. Рост 165, размер пятидесятый.

Надо что-то Гале привезти, иначе заклюет.

– Что еще?

– Мне – джинсовую рубашку с коротким рукавом и пару футболок.

– Одну, – возразила Клара. – Платье двести пятьдесят, батник и футболка – двести.

– Хорошо, – кивнул я. Наверняка объегорила, но торговаться не хотелось. Без того дешево досталось – не вагоны разгружал.

Из квартиры Клары я вышел в новом прикиде: джинсовый костюм, футболка, сандалеты. Во дворе выбросил в мусорный контейнер старую одежду и туфли. Вот бомжи обрадуются! Что? В СССР не было бомжей? Не смешите мои шузы! Термин появился в милицеских протоколах – «без определенного места жительства». Сокращенно – БОМЖ.

– Ни фига себе! – сказала Галя, когда я предстал перед ней по возвращении. – Это ж сколько ты отдал?

– Ерунда! – махнул я рукой. – Исцелил фарцовщицу от гипертонии, она и расщедрилась. Держи! – протянул ей красочный пластиковый пакет, который отжалела Клара. – Платье для тебя. Рубашка – мне.

Жена цапнула пакет и выхватила из него платье.

– Клеш! – взвизгнула, расправив джинсу. – Миша! Я тебя люблю!

Она убежала в зал. Обратнo явилась уже в новом платье и закрутилась перед зеркалом в прихожей. М-да, следовало брать на размер больше. Джинсовая ткань плотно обтянуло рыхлое тело жены, обозначив складки по бокам.

– Не жмет? – поинтересовался я. – Может, продадим?

– Что ты? – испугалась она. – В самый раз. Если что, намочу и похожу, пока не высохнет. Завтра на работу в нем пойду, а то в кофте жарко. Девки обоссутся! Ты у меня просто золотой, Миша! Чтобы мне кто-то столько даром дал!

Не совсем даром, конечно, но резон есть. Только у меня снова три рубля в кошельке, а просить деньги у жены не хо-

чется. Может, рано стал шиковать? Словно отвечая на этот вопрос, зазвонил телефон. Я снял трубку – Маша.

– Два клиента на завтра, – сообщила деловито, – мальчик и девочка. Шесть и девять лет, без олигофрении. Пишите адреса и телефоны.

Я взял ручку и занес в тетрадь продиктованные ею данные.

– Про деньги говорила?

– Да, – ответила она. – Согласны. Объяснила: платят за результат. Попросила позаботиться о транспорте: к девяти за вами приедут.

– Умница! – похвалил я.

Она довольно засмеялась.

– Мама просила передать вам спасибо. Сами знаете, за что.

Я положил трубку на аппарат.

– Что? – спросила жена.

– Будут тебе деньги, – сказал я. – Покормишь?

– Да, – кивнула она. – Приготовила. Котлеты с картофельным пюре.

А жизнь, кажется, налаживается...

– Вы кого привезли, а?

Мой палец указывает на скрюченное существо в инвалидной коляске. Человеком назвать его нельзя, и дело не в искореженных конечностях. Такое мы худо-бедно лечим. На круглом, перекошенном лице ребенка отсутствуют признаки разума. Бессмысленный взгляд, вытекающая изо рта струйка слюны.

– Я вас спрашиваю?

Молчат. Мужчина и женщина лет тридцати, одеты не богато. У женщины на голове платочек, несмотря на жару – наверняка, верующая. У родителей детей-инвалидов это через одного. «Як плоха, так до пана Бога!» – говорят католики. Мать вот-вот заплачет.

– Диагноз? – спрашиваю у мужчины. – Быстро! Только не врать!

– Идиотия, – бормочет он.

– Вам говорили, что не исцеляю олигофренов?

– Говорила! – включается Маша. – Я всем говорю.

– Ну, и? – смотрю на мужчину.

– Может, глянете? – вздыхает он. – Мы заплатим.

– Что я вам, Чумак? Или Кашпировский? Это они исцеляют от всего и всех – только плати. У меня узкая специализация: ДЦП без признаков олигофрении. Зато с гарантией.

Остальное – нет. Увозите! Живо!

Клиенты выкатывают коляску с идиотом из офиса. Женщина всхлипывает. Насрать! Идиоты, как и их ребенок.

Срываю с головы докторскую шапочку и бросаю на стол.

– Маша, у нас форточка. Есть замена?

– Сейчас! – она утыкается в монитор компьютера и начинает стучать по клавиатуре. – Вот. Украинцы, неделю как в гостинице живут. Приехали сами, предварительно не звонили, им еще неделю ждать. Девочке одиннадцать лет, не ходит. Остальное в норме.

– Телефон у них есть? Звони!

Секретарь придвигает аппарат и начинает накручивать диск. Достаяю из кармана пачку «Мальборо», зажигалку и прикуриваю. Маша даже ухом не ведет. В нашем офисе не дымят – сам такое установил, но сейчас босс зол, поэтому лучше промолчать. Умница...

– Будут через полчаса, – сообщает Маша, положив трубку. – Они на машине. Обрадовались.

– Замечательно! – я выкидываю окурочек в открытое окно. – Завари чай, пожалуйста...

Полтора месяца пролетели в хлопотах. Сарафанное радио работало: слух о том, что в Минске появился экстрасенс, который лечит ДЦП, разлетелся по республике и проник за ее пределы. Появились пациенты из России и Украины, но пока преобладают белорусы. Телефон офиса разрывается. Маша принимает звонки, расспрашивает клиентов и записывает их

в очередь. Та возникла и растет. Практика показала: более троих детей в день исцелить не получается – силы не хватает. После сложных случаев вовсе ощущаю себя выжатым лимоном, требуется несколько часов, чтобы прийти в норму. Да еще придурки с олигофренами... Не всегда удастся их отсечь. Скрывают умственную отсталость у детей, надеясь, что проскочит, хотя Минздрав в лице Маши строго-настроженного предупреждает. Надеются на халяву. Дескать, экстрасенс исцелит – куда он денется? Ага! Я вам не Господь Бог. Как-то обследовал олигофрена: не голова, а очаг с горящими углями. Чтобы погасить такой жар, нужен айсберг, не меньше того, что Титаник потопил. Потому хитропопы заворачиваю, иногда матом. «Как же так? – скажете вы. – У людей беда. К ним нужно относиться мягше, а на вещи смотреть ширше». Я, что ли, виноват в их беде? Сказано: за такие случаи не берусь, чего претесь? Да еще отодвигая в сторону детей, которым можно помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.